ИНВЕНТ. 1895 г.

[illegible]

3021.

№ 1.

ЯНВАРЬ. 1802

1871 ГОДЪ.

МИНИСТЕРСТВЪ ФИНАНСОВЪ

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Пед. Муз. Жур. фонд 58139

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

1873 МИНСКЪ

Содержаніе:

Къ молодымъ читателямъ	1	Дѣти между собою	95
Сонъ Вадима	1	Приложенія.	
Очерки Восточной Сибири	23	Бабочка.	
Часъ и Градусъ	51	Дѣвочка вынимающая занозу.	
Бабочка	69	2 картины для раскрашиванія.	
Пылинки	75	Домино.	
Опыты	79	Городки.	
Игры и Занятія	89	Шашки.	

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

302

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ю.Л. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 1. ЯНВАРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, Владимірская № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Января 1871 года.

МИНИСТЕРСТВЪ ФИНАНСОВЪ

МОЛОДЫЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ!

Въ теченіи нынѣшняго года я хочу вамъ дать 10 такихъ книжекъ какъ та, которую вы держите въ рукахъ; однимъ изъ васъ она покажется очень мала,—другіе, напротивъ, скажутъ, что она велика; въ сущности обѣ стороны будутъ правы, потому что на землѣ нѣтъ ничего ни малаго, ни большаго, или все на землѣ и мало и велико, но все это только условно, только относительно мало или велико. Я думаю такъ: кому книга покажется такъ велика, что съ нею въ мѣсяцъ не совладать, тотъ пусть обратится за помощію къ старшему брату или сестрѣ, къ матери или къ отцу; при ихъ помощи вѣрно книга окажется малою; напротивъ, кто изъ васъ прочиталъ ее и нашелъ, что она мала, передайте ее младшимъ въ семьѣ, но передайте не просто, а съ совѣтомъ, что имъ прочитать, еще лучше, прочитайте имъ сами вторично то, что́ вамъ понравилось болѣе всего; или просто разскажите имъ содержаніе всего что есть не— и вѣрно она вамъ покажется мала.

Положимъ не хочется вамъ читать; возмите черную картину, краски, кисть и попробуйте раскрасить сами по оригиналу; а еще лучше берите бумагу, чините карандашъ и дѣлайте копію съ картины.

Что же представляетъ эта картина, спросите вы; помилуйте, развѣ вы не видите: дѣвочка что-то копаетъ

на ступнѣ, вѣроятно вынимаетъ занозу. Неужели вы по поводу этой картины не найдетесь что разсказать: что это за дѣвочка? какъ она занозила? какъ она узнала что у нее заноза? отчего она сама вздумала вынимать? отчего она одна? гдѣ теперь она? что дѣлала до сихъ поръ? что будетъ дѣлать далѣе? что такое заноза? чѣмъ можно занозить и т. п. Сколько паръ умненькихъ глазъ смотритъ на эту картину, вѣрно будетъ столько же различныхъ разсказовъ и мнѣній.

Не хочется читать, не хочется рисовать,—возмите опыты, игры; передѣлайте одни, приготовьте для младшихъ другія, научите ихъ играть и вѣроятно скажете: первая книга Семейнаго Чтенія очень велика! Мала или велика рѣшается очень просто: повертите ее въ рукѣ, посмотрите на картинки, положите на полку и она очень мала и очень скучна; почитаете, подумаете, поразскажете товарищу, отцу или матери хотя во время обѣда—и она покажется велика, такъ велика, что всего сразу не запомните иное надо прочитать и два, и три раза; пожалуй нѣкогда будетъ и порисовать, ни поклеить ваши игры, поиграть ими. Не въ томъ суть дѣла, чтобы читать много, а въ томъ, чтобы упомнить читанное и почаще припоминать; не тотъ бываетъ уменъ кто много читалъ въ юности, а тотъ кто много думалъ, и многое помнитъ; тотъ, при всякихъ обстоятельствахъ, найдетъ какъ доставить пользу или удовольствіе другимъ членамъ родительской или школьной семьи, въ которой онъ и будетъ всегда дорогъ и любимъ.

Юл. Симашко.

СОНЪ ВАДИМА.

(По англійскому оригиналу).

«Знаешь-ли, папа? Мнѣ кажется, Егоровы нисколько не богаче насъ; а отчего же, когда я пріѣзжаю къ нимъ, мы съ Володей всегда вдоволь наѣдимся и грушъ, и винограду, и конфектъ. И какъ онъ удивлялся тому, что у насъ даже яблоки всегда спрятаны въ чуланъ и вынимаются только къ столу, да и то дается каждому по одному. Онъ говоритъ, что у нихъ дома, когда бы ему ни вздумалось чѣмъ нибудь полакомиться— никогда ему нѣтъ отказа. Его отецъ никогда словечка не скажетъ; онъ любитъ, чтобы его сыну было весело».

Говорилъ все это мальчикъ, если только можно назвать мальчикомъ такого человѣка, который давнымъ давно передаетъ свои курточки младшимъ братьямъ, и частенько удаляется въ свою комнату, чтобы на свободѣ разглядывать въ зеркало опушающіяся щечки. Хорошенькій онъ былъ мальчикъ: высокій, стройный, съ очень милымъ выраженіемъ лица, даже когда хмурился; онъ былъ старшій сынъ большой семьи и воспитанникъ одного изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Онъ такп не мало и думалъ о себѣ; гораздо больше, нежели о немъ думали сестры и братья. Были у него и слабыя стороны (какъ и у всѣхъ насъ); чуть ли не главнымъ его недостаткомъ было неумѣнье забавляться не безпокоя другихъ. У него была какъ будто страсть непремѣнно предлагать неудобоисполнимыя забавы и непремѣнно въ неудобное время, и при всякой неудачѣ онъ начиналъ жаловаться, хныкать, ныть, такъ что домашнимъ приходилось плохо.

Извѣстно, что незанятые люди всякаго возраста отъ нечего дѣлать часто ѣдятъ и пьютъ; тоже случилось однажды и съ Сережей (такъ звали мальчика). Ему представилось, что въ настоящую минуту необходимо покушать чего нибудь сладкаго; онъ и явился по обыкновенію къ отцу съ просьбою достать ему изъ чулана пирожнаго или винограду. Отецъ отказалъ, объясняя очень хладнокровно, что онъ кушалъ уже и пирожное, и виноградъ за обѣдомъ, и что больше онъ не получитъ.

— Ты самъ знаешь что нельзя, милый,—такъ кончилъ отецъ. На это *милый* отвѣчалъ тѣми словами, съ которыхъ мы начали нашъ разсказъ, и какъ непочтительно звучали слова: «его отецъ никогда словечка не скажетъ; онъ любитъ, чтобы его сыну было весело».

Отецъ возразилъ тихимъ упрекомъ: «Это совсѣмъ другое дѣло. Развѣ ты не знаешь, душа моя, что Володя Егоровъ единственный сынъ; а васъ у меня десять человѣкъ? Если дать тебѣ винограду или пирожнаго, то нельзя не дать того же и Колѣ, и Митѣ, и всѣмъ прочимъ братьямъ и сестрамъ. Если дать вамъ вдвое больше того, что дается Володѣ, такъ и того будетъ мало. Вѣдь и я, Сережа, точно также люблю, чтобы моимъ дѣтямъ было весело; но подумай только, что я всѣхъ васъ мальчиковъ отдалъ въ лучшія школы, стараюсь по возможности доставлять вамъ и удобства и удовольствія; а вѣдь все это обходится не дешево. Видишь ли теперь, что надо быть благоразумнѣе»?

— Ну... папа... началъ было мальчикъ; но тутъ отецъ, предвидя начало хныканья, сказалъ на отрѣзъ:

— Рѣшено; придумай что нибудь другое, и помни, что Володя тебѣ не примѣръ—онъ единственный сынъ. Затѣмъ отецъ принялся за работу, а сынъ уходя проговорилъ въ досадѣ: «какъ бы я хотѣлъ быть единственнымъ сыномъ!»

Это желаніе однако ни къ чему не повело: въ столовой, куда онъ направилъ свои шаги, нашелъ онъ всѣхъ девять братьевъ и сестеръ. Онъ спихнулъ съ кресла маленькаго брата, и развалился въ немъ самъ, поднявъ ноги на ручки. — Вотъ тебѣ и праздникъ! Не стоило приходить изъ школы. Я бы желалъ знать, что сказалъ бы Володя, еслибъ ему навязали на шею такую же кучу ребятъ, какъ мнѣ! Сегодня у него гости,

будутъ подавать конфекты, мороженое. Какъ бы я желалъ быть единственнымъ сыномъ!—

— Спасибо,—отвѣчали ему хоромъ съ полу. Всѣ его братья и сестры валялись по ковру, толкались и возились, какъ котята въ мѣшкѣ; изрѣдка слышались воркливыя восклицанія:

— Коля, ты меня топчешь.

— Убери ноги, Митя.

— Это не я, и т. д.

Вдругъ младшая сестрица пропищала: «вы, мальчики, такой грубый народъ».

— Я желалъ бы знать, что такое вы, дѣвочки? спросилъ насмѣшливо обладатель кресла. *Не тронь меня*—больше ничего. Что еслибъ не было на свѣтѣ этой дряни братьевъ и сестеръ!

— Что такое? сказалъ чей-то голосъ у двери. Всѣ десять человѣкъ вскочили и увидали, что въ комнату вошелъ пріятель отца — Андрей Ивановичъ, котораго всѣ очень любили.

— Повтори свое желаніе, — сказалъ онъ.

— Чтожъ, конечно,—отвѣчалъ Сережа, сестры и братья— это мука. Двое, трое, еще такъ и быть; но вотъ, посмотрите сами: насъ числомъ десять, и это несчастное число десять всему отрава. Захочется которому нибудь въ гости: — нельзя, не твоя очередь. Пришлютъ ли Егоровы корзину винограду, начинается дѣлежъ, каждый изъ десяти желаетъ попробовать, и на долю каждаго достается виноградинка съ половиной. А вотъ бѣда, когда придутъ гости, особенно за столомъ; цѣлая куча ребятъ толпится, жужжитъ, можно подумать, что у насъ школа. Затѣетъ ли что нибудь одинъ изъ насъ—всѣ начинаютъ обезъянничать; появится ли что нибудь новенькое — понадобится всѣмъ раздѣлить. А единственный сынъ ничего не дѣлитъ; ему достается все. Да и по всѣмъ правиламъ ариѳметики — цѣлое лучше десятой части.

— И по тѣмъ же самымъ правиламъ — отвѣчалъ гость, — десятокъ лучше единицы.

— Ага, что!—пропѣлъ съ полу Коля, перекувырнулся и ударился ногами о кресло. Братъ быстро обернулся, толкнулъ его и продолжалъ:

— Скажите мнѣ, не правду ли я говорю, что большая семья — это вредъ, наказаніе Божіе?

Андрей Ивановичъ задумался и тихо отвѣчалъ:

— Не мнѣ судить объ этомъ. У меня всего былъ одинъ братъ, да и тотъ утонулъ. Что мнѣ ни дарили—я ни съ кѣмъ не дѣлился, а какъ иногда хотѣлось подѣлиться! Пришлютъ, бывало, хоть того же винограду—я одинъ его съѣмъ. Смастерю что нибудь—показать некому. Захочется мнѣ разыграть сцену, я самъ исполняю всѣ роли, самъ и въ публику сажусь. Наконецъ я что выдумалъ: набралъ щепокъ, нарисовалъ на нихъ лица, а на спинкахъ выставилъ имена, это были мои братцы и сестрицы. Если тебѣ любопытно знать, сколько я мечталъ имѣть ихъ, знай же: я надѣлалъ двадцать пять штукъ! Воткну ихъ, бывало, въ землю, и разговариваю съ ними. Я всегда былъ одинъ, одинъ, одинъ; а потому и не знаю, что это за наказанье Божіе, о которомъ ты толкуешь.

Забавенъ былъ разсказъ, но разскащику было какъ будто не смѣшно. Одна изъ дѣвочекъ, самая добрая, прижалась къ нему и сказала: — Сережа все шутитъ; ему совсѣмъ не такъ хочется избавиться отъ насъ. Правда, что недавно, когда сынъ нашего доктора сказалъ, что ему бы хотѣлось имѣть сестрицу, Сережа предложилъ ему всѣхъ насъ за двугривенный; но вѣдь это шутя. Вотъ видите, намъ всѣмъ сегодня что-то очень скучно, и не удивительно, что мальчики сердятся.

— Жаль мнѣ васъ, если это такъ, сказалъ Андрей Ивановичъ улыбнувшись: — какъ бы вамъ помочь?

— Я знаю какъ, сказала вкрадчиво дѣвочка:—если бы вы потрудились разсказать намъ что нибудь. Мальчики любятъ слушать.

— Вотъ какъ, вскричалъ Митя, а дѣвочки не любятъ?

Но тутъ гость призвалъ собраніе къ порядку, и усѣлся, посадивъ добрую дѣвочку къ себѣ на колѣни.

— Ну о чемъ же я вамъ разскажу?

— О чемъ хотите, сказалъ Сережа, только пожалуйста, чтобъ не было слишкомъ правдиво. Я ненавижу истинныя происшествія. Въ школѣ, гдѣ я прежде учился, учитель читалъ намъ каждую субботу разсказы о добрыхъ и злыхъ мальчикахъ. Онъ говорилъ не тѣ имена, которыя были въ книгѣ, а вставлялъ наши. Кто хорошо велъ себя всю недѣлю — тотъ являлся героемъ хорошей повѣсти, а кто худо — дурной. Меня этотъ ба-

ринъ не жаловалъ и всегда выставлялъ негодяемъ; сколько разъ я погибалъ—и вспомнить тошно. Два раза меня вѣшали; разъ сослали за украденную овцу; и самоубійцею я былъ, и пьяницею; разорилъ три семьи и сокрушилъ двѣнадцать благородныхъ родительскихъ сердецъ. Просилъ, просилъ я его исправить меня, но онъ все требовалъ за это правильнаго латинскаго перевода. Такъ ужъ, пожалуйста, нельзя ли какое нибудь не истинное происшествіе.

— Хорошо, сказалъ Андрей Ивановичъ; ну, а въ неистинное происшествіе можно будетъ тебя помѣстить? Ты знаешь вѣроятно, что всѣ лучшіе писатели не создаютъ дѣйствующихъ лицъ, а списываютъ ихъ съ натуры. Позволишь мнѣ писать съ тебя?

— О конечно, сказалъ Сережа, усаживаясь съ ногами на диванъ и зачесывая руками свои волосы, какъ будто давая знать, что всякая повѣсть, въ которой онъ явится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, будетъ принята благосклонно. Остальные засуетились, заторопились, затолкались, покуда всѣ не размѣстились по возможности удобно. Подумавъ съ минуту, Андрей Ивановичъ началъ повѣсть подъ заглавіемъ:

СОНЪ ВАДИМА.

«Вадимъ былъ, т. е. онъ думалъ, что былъ молодой человѣкъ, такимъ и мы пожалуй будемъ его считать. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенство; нѣтъ, онъ былъ также несовершенъ, какъ и всѣ мы. Нельзя сказать и того, чтобы онъ былъ единственный сынъ. Напротивъ, у него было множество братьевъ и сестеръ, хотя онъ и считалъ ихъ совершенно лишними, точь въ точь какъ одинъ нашъ пріятель...

— Ну, повѣсть съ нравоученіемъ, — проворчалъ Сережа.

— У тебя чутье преострое,—замѣтилъ разскащикъ,—но до нравоученія еще очень далеко. Однажды вечеромъ онъ въ особенности почувствовалъ неудобство большой семьи: съѣхалось множество гостей и всѣ остались ночевать, такъ что всѣхъ мальчиковъ-хозяевъ положили въ одну большую комнату.

— Только этого намъ еще не достаетъ, замѣтилъ неисправимый Сережа; но его призвали къ порядку, пригрозивъ изгнаніемъ. Андрей Ивановичъ продолжалъ:

«Бѣда еще не въ томъ. Вадиму не только пришлось спать въ одной комнатѣ съ братьями, но такъ какъ его кровать была длиннѣе и шире другихъ, то къ нему подложили маленькаго брата—ноги къ ногамъ. Правда, что ему по этому случаю досталась совершенно неожиданно лишняя подушка, такъ какъ, полагая, что какой нибудь мальчикъ съ пальчикъ можетъ спать и безъ подушки, онъ отнялъ у брата его единственную подушку. Лечь на нее онъ, правда, долго не рѣшался, говоря, что лучше проспдитъ всю ночь, но не сдѣлаетъ подлости. Дѣйствительно, какъ только всѣ заснули, нашъ Вадимъ снялъ сапоги, растегнулъ курточку и сѣлъ въ кресло. Онъ отказался отъ ужина, желая какъ можно яснѣе выразить свое неудовольствіе; и теперь вознаграждалъ себя за это лишеніе, уписывая то, что ему удалось второпяхъ добыть изъ столовой. У него оказался хлѣбъ, сыръ, пара яблоковъ и апельсинъ. Покончивъ съ этимъ запасомъ, онъ началъ размышлять о выпавшихъ на его долю лишеніяхъ. Ночь пролетала. Вадимъ сидѣлъ, машинально устремивъ глаза на почернѣвшую старую картину, висѣвшую надъ диваномъ уже много лѣтъ. Картина изображала старика, почти нагаго, съ косою въ одной и часами въ другой рукѣ; а подъ картиною вычурными буквами было написано: *Время.*

Вотъ обносился-то! сказалъ Вадимъ. Пришелъ на сѣнокосъ, а надѣть нечего. Время! время бы тебѣ сходить къ портному!

Это было и глупо, и дерзко, но что дѣлать? Вадима все раздражало; а старикъ хоть бы нахмурился; глядитъ себѣ философомъ.

Наконецъ Вадиму надоѣло сидѣть; ходить онъ не смѣлъ, такъ какъ полъ въ этой комнатѣ сильно скрипѣлъ; лежать на клеенчатомъ диванѣ, ему показалось холодно. Оставалось одно—лечь въ постель; онъ такъ и сдѣлалъ.

Все-таки я спать не буду, подумалъ онъ — нѣтъ, нѣтъ! я хочу, чтобы завтра всѣ видѣли по моему лицу, что я *не могъ* заснуть.

И вотъ онъ легъ въ постель съ открытыми глазами, вытаращивъ ихъ на старую картину, освѣщенную свѣчей, стоявшей на столѣ предъ диваномъ. (Онъ нарочно не погасилъ свѣчу, чтобы не заснуть). Пламя колебалось отъ сквознаго вѣтра, дувшаго изъ щелей, и когда тѣнь и свѣтъ проходили по лицу

старика, Вадиму казалось, что тотъ киваетъ ему; онъ сталъ тоже кивать, но утомившись, закрылъ глаза. Открывъ ихъ снова, онъ не сомнѣвался болѣе: голова старика дѣйствительно шевелилась, и не только голова, и ноги и все шевелилось. Вдругъ онъ выступилъ изъ рамки и какъ будто собирался перешагнуть черезъ столъ и свѣчку.

— Берегитесь, обожжетесь, хотѣлъ сказать Вадимъ, но не могъ произнести ни слова. Старикъ спустился благополучно на полъ, сталъ расти, расти и выросъ въ человѣческій ростъ; но такъ и остался въ легкомъ костюмѣ съ часами и косой. Потомъ онъ прошелся по комнатѣ и сѣлъ возлѣ Вадима.

— Кто вы такой? спросилъ робко Вадимъ.

— Время, — отвѣчалъ посѣтитель глухимъ голосомъ.

— Да, да, правда! фигурными буквами!

— Что такое, фигурными буквами?

— Ваше имя, подъ картиной.

— Очень можетъ быть, сказало Время.

Вадиму дѣлалось какъ будто страшно.

— Вамъ должно быть холодно, сказалъ онъ. Уйдите въ рамку, тамъ тепло.

— Не думаю, сказало Время; я пришелъ къ тебѣ въ гости.

— Я не имѣю удовольствія знать васъ, проговорилъ Вадимъ, стараясь не стучать зубами.

— Да меня мало кто знаетъ, отвѣчалъ гость; ты другое дѣло: ты мой крестникъ.

— Неужели? сказалъ Вадимъ, я и не зналъ.

— Да, продолжалъ гость; — и ты сейчасъ увидишь, какъ выгодно быть моимъ крестникомъ.

— Неугодно ли вамъ надѣть мою курточку? спросилъ Вадимъ, стараясь угодить.

— Нѣтъ, спасибо. Тебѣ самому она пригодится. Мы скоро поѣдемъ.

— Поѣдемъ?

— Ну да, поѣдемъ; весь свѣтъ ѣдетъ, и ты долженъ ѣхать; а вотъ идутъ твои братья и сестры.

Вадимъ обернулся: дѣйствительно всѣ они тутъ, и такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ къ нему на кровать, на его кровать! Вотъ и плутовка сестренка въ своихъ локонахъ, которые такъ напоми-

наютъ стружки, прекокетливая, претщеславная, несмотря на постоянные выговоры Вадима. Вотъ и ученый братъ, растрепанный, сутуловатый, всегда убѣгающій изъ комнаты, какъ только появятся гости; вѣчно съ книгой, вѣчно пасмурный, несмотря на то, что Вадимъ постоянно пряталъ его книги, и твердилъ ему, что онъ несчастье для семьи, что онъ сущій медвѣдь, что на него смотрѣть гадко и т. д. и все съ похвальнымъ намѣреніемъ его исправить. А вотъ и мальчикъ съ пальчикъ, живчикъ, обезьянка, никуда не годный мальчишка, спорщикъ, другъ и пріятель всѣхъ уличныхъ повѣсъ, хотя Вадимъ ему то и дѣло твердитъ, что сынъ всякаго порядочнаго человѣка постыдится связываться съ нимъ, что онъ навѣрное срѣжется, когда попадетъ въ школу, и кончитъ свой вѣкъ на поселеніи, если не въ каторжной работѣ. Вотъ и второй братъ, любимецъ Вадима, единственный, съ которымъ онъ не ссорится. А вотъ и блѣдная сестрица хромоножка, которую онъ такъ нѣжно любилъ и странное дѣло, никогда не старался исправлять; на всѣ ея недостатки у него было одно: — оставьте ее, пусть дѣлаетъ что хочетъ. Собрались и всѣ остальные, всѣ противные; вотъ наконецъ всѣ влѣзли.

— Съ чего вы взяли всѣ притащиться на мою кровать? спросилъ сердито братъ, собравшись съ духомъ.

— Развѣ ты не умѣешь отличить кровать отъ кареты, крестникъ? — спросило Время рѣзкимъ голосомъ.

Вадимъ хотѣлъ было возражать; но посмотрѣвъ вокругъ, убѣдился, что они всѣ находятся въ какомъ-то экипажѣ, похожемъ на карету, съ огромными окнами.

— А я думалъ, что я въ постели; сказалъ онъ: — что же это, мнѣ приснилось вѣрно?

— Должно быть, сказалъ крестный. Но усаживайтесь поскорѣе и потѣснитесь, чтобы всѣмъ вамъ было мѣсто; вѣдь вы всѣ братья и сестры.

— А развѣ необходимо ѣздить всей семьей? спросилъ уныло Вадимъ.

— Да, сначала, отвѣчало Время. Семья распадается впослѣдствіи. Понемногу, одинъ за другимъ, всѣ повылезутъ изъ кареты. Я ихъ выпущу на дорогѣ на различныхъ станціяхъ. смотря по данному мнѣ предписанію, — и старикъ указалъ на бумажный свертокъ. Тебя я люблю и скажу по секрету, что

выпущу всѣхъ сестеръ и братьевъ прежде тебя. Вы четверо старшихъ садитесь по эту сторону, а вы пятеро — по другую; малютка же пускай постоитъ, или сядетъ къ кому нибудь на колѣни.

— Уфъ, сказалъ Вадимъ, — какъ бы славно было въ этой каретѣ одному! А съ этими ребятишками какая давка. Поѣзжайте, пожалуйста, какъ можно скорѣе.

— Изволь, сказало Время, я скоро поѣду. Но помни жо и не пеняй на себя. Если мнѣ скажутъ: ѣхать тихо, — я ѣду тихо; скажутъ скорѣй, — я ѣду скоро; но никогда не перемѣняю своего хода. Я и разговариваю съ тобою только потому, что ты мой крестникъ. Вотъ возмись за шнурокъ, и если что понадобится, дерни его и закричи мнѣ въ трубу. Ну теперь ѣдемъ.

Тутъ старикъ влѣзъ на козлы и взялъ возжи. Карета тронулась. Вадимъ замѣтилъ, что дорога, по которой они ѣхали, была очень широка, и что по ней ѣхало множество экипажей.

Не смотря на шумъ, тѣсноту и пыль, Вадиму было очень весело. Какихъ тутъ не было экипажей! Всякаго сорта, начиная великолѣпной каретой и кончая крестьянской телѣгой; всѣ старались другъ друга опередить. Въ числѣ ѣхавшихъ онъ видѣлъ много знакомыхъ, и какъ пріятно было ему ѣхать по одной дорогѣ съ богатыми и знатными, выставлять въ окно свое хорошенькое личико и кланяться и улыбаться знакомымъ франтамъ, накинуть на плечи красивый пледъ и смотрѣть на публику въ лорнетъ!.. Доброе старое Время и объ этомъ послѣднемъ позаботилось: въ каретѣ оказались и пледъ и лорнетъ.

Но и тутъ опять Вадима измучила семья. Только что онъ пуститъ хорошенько публикѣ пыль въ глаза, тутъ имъ и понадобится: одному сдернуть пледъ, другому вырвать лорнетъ; этому ссориться, тому драться; однимъ словомъ, чѣмъ нибудь испортить произведенный эффектъ. Они дѣйствительно ему все портили и отравляли, и чѣмъ больше онъ ихъ бранилъ, тѣмъ хуже было. Сестра плутовка все встряхивала кудрями, да кокетничала черезъ окно съ красивымъ, но непріятнымъ господиномъ, ѣхавшимъ верхомъ на прекрасной лошади. Онъ хвалилъ ея прекрасныя кудри и странно! — чѣмъ больше Вадимъ увѣрялъ ее, что господинъ этотъ олухъ и что ея хваленыя кудри похожи на стружки, тѣмъ болѣе казалось нравились ей

незнакомецъ и его любезности. Растрепанный братъ не сводилъ глазъ съ книги, а если и подходилъ къ окну, то только для того, чтобы посмѣяться надъ щегольскою публикой, такъ что Вадимъ прогналъ его въ уголъ кареты. А мальчикъ съ пальчикъ началъ дѣлать разныя гримасы уличнымъ шалунамъ, которые ѣхали рядомъ въ телѣжкѣ, запряженной собаками; когда же старшій братъ началъ приглашать его сѣсть, какъ прилично благовоспитанному молодому человѣку, онъ на отрѣзъ отказался.

Да и всѣ остальные вели себя не лучше. Бѣдный Вадимъ! Никогда еще не приходилось ему такъ осязательно убѣдиться въ томъ, какъ непріятно дѣйствовало на него, если окружающіе его были счастливы по своей собственной программѣ, а не по той, которую онъ имъ навязывалъ. Конечно, онъ отлично зналъ, что если бы сестры и братья согласились покориться его желанію, то не было бы и ссоры; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не хотѣлъ понять, что было бы тоже самое, если бы и самъ онъ уступалъ по возможности ихъ желаніямъ.

Наконецъ онъ потерялъ терпѣніе и, дернувъ за шнурокъ, попросилъ крестнаго ѣхать какъ можно скорѣе.

— Никогда, говорилъ онъ, не будетъ мира между нами, если насъ будетъ такая пропасть въ каретѣ; если бы я былъ въ ней одинъ, я могъ бы раскланиваться и разговаривать съ кѣмъ хотѣлъ, а со всею этою кампаніей мнѣ также пріятно путешествовать, какъ въ стаѣ дикихъ звѣрей.

Крестный нахмурилъ брови, тряхнулъ часами, и карета помчалась. Пріѣхали на станцію.

— Наконецъ-то, сказалъ Вадимъ, хоть кто нибудь выйдетъ.

Время вызвало втораго брата; онъ всталъ и началъ прощаться съ братьями и сестрами.

— Пора мнѣ проложить себѣ дорогу на бѣломъ свѣтѣ, сказалъ онъ, вылѣзъ изъ кареты и исчезъ въ толпѣ.

— Вы спровадили самаго смирнаго изъ всѣхъ, сказалъ Вадимъ сердито крестному. Теперь поѣзжайте скорѣе, умоляю, выпустимъ всѣхъ несносныхъ, — и скоро выпустили одного за другимъ; только и остались сестры, мальчикъ съ книжкой и малютка.

— Что ты тамъ видишь? спросилъ Вадимъ сестру хромоножку.

— Есть кто-то странный въ толпѣ, отвѣчала она.

— Я ничего не вижу, сказалъ Вадимъ, но, выглянувъ опять, онъ увидалъ какую-то фигуру, закутанную въ плащъ, которая шмыгала между народомъ, а ее какъ будто никто не замѣчалъ.

— Кто это? спросилъ онъ крестнаго.

— Это моя пріятельница, отвѣчало Время, — Смерть.

Вадимъ содрогнулся, въ особенности когда фигура подошла къ каретѣ, всунула руку въ окно, а хромоногая сестрица, къ его ужасу, улыбаясь подала ей свою... Карета остановилась.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ Вадимъ: впередъ! скорѣе! ѣдемъ! Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ схватить шнурокъ, дверца отворилась, блѣдное личико сестрицы, еще болѣе поблѣднѣвшее, склонилось на плечо закутанной фигуры...

— Взять непремѣнно ее, кричалъ Вадимъ, — и оставить мнѣ всѣхъ остальныхъ? О, это жестоко! жестоко!!!

Въ горѣ онъ и не замѣтилъ, какъ вызвали встрепаннаго брата, и тотъ съ книгою подъ мышкой, ускользнулъ изъ кареты, даже не взглянувъ ни на право ни на лѣво.

Но вотъ карета опять остановилась; Вадимъ увидѣлъ, что дверь отперта и что красавецъ-всадникъ приподнимаетъ его сестру, чтобы посадить ее къ себѣ на сѣдло.

— Что ты дѣлаешь? сказалъ Вадимъ сердито сестрѣ. Что за глупости? Я знаю этого человѣка: у него скверный характеръ, скверная репутація.

— Зачѣмъ же ты ей прежде этого не говорилъ? проворчалъ мальчикъ съ пальчикъ.

— Молчать! сказалъ Вадимъ; я запрещалъ ей говорить съ нимъ; этого кажется довольно.

— Мнѣ не хочется покидать васъ, говорила рыдая сестра, но что же дѣлать? онъ меня любитъ, а вамъ, братьямъ, до меня и горя мало! — и ее умчали.

Какъ только она исчезла, младшій братъ вылѣзъ изъ своего уголка и подошелъ къ Вадиму.

— Теперь насъ двое, братъ, — сказалъ онъ, — будемъ же друзьями. Позволь мнѣ сѣсть съ тобою рядомъ. Я буду умный, умный и совсѣмъ откажусь отъ дурныхъ мальчиковъ, за то ужь ты поговори со мной подольше.

Вадиму почти понравилось такое предложеніе; но такъ какъ братъ его, казалось, былъ въ покорномъ настроеніи духа, то ему захотѣлось воспользоваться случаемъ прочитать ему нравоученіе, а ужь потомъ смягчиться и простить.

Онъ началъ вопросами: не думаетъ ли мальчикъ съ пальчикъ, что онъ дѣйствительно достоинъ быть въ обществѣ его, Вадима? Что бы сказали порядочные люди такому юношѣ, который проводитъ время съ уличными мальчишками? наконецъ: сознаетъ ли хоть теперь этотъ юноша, что всѣ уличные мальчишки бездѣльники? Когда мальчикъ отказался назвать бездѣльниками своихъ товарищей, такихъ добрыхъ, такихъ славныхъ, Вадимъ объявилъ, что его наклонности, повидимому, нисколько не облагородились, и пугнулъ, по обыкновенію, ссылкой и каторгой. Это было уже слишкомъ; разсерженный мальчуганъ опять забился въ уголъ, и Вадимъ—какъ это часто и съ нами случается—пропустилъ случай помириться изъ за удовольствія почесать языкъ.

— Онъ опять явится, чрезъ нѣсколько минутъ, — подумалъ Вадимъ. Но вотъ прошло нѣсколько минутъ, а въ углу не шевелились. Вдругъ послышался шумъ и радостный крикъ; Вадимъ обернулся и увидѣлъ, что мальчикъ выскочилъ въ растворенное окно на дорогу, гдѣ и былъ подобранъ какими-то людьми, ѣхавшими въ телѣгѣ, запряженной собаками.

Наконецъ-то мой герой одинъ. Сначала онъ былъ въ восторгѣ: и волосами встряхивалъ, и въ пледъ закутывался, и въ лорнетъ глаза таращилъ, — франтъ да и только. Но вотъ, наконецъ, хотя ему теперь никто не препятствовалъ быть самымъ отчаяннымъ франтомъ, онъ замѣтилъ, что до него какъ будто никому и дѣла не было: съ нимъ перекидывались словами, иногда поклонами, иногда только взглядами; все это ему наскучило. Не могъ онъ причесаться эффектнѣе, не могъ ни живописнѣе разбросать свой пледъ, ни лорнировать нахальнѣе;—да еслибъ даже и могъ, то врядъ ли знакомыя ему личности проявили бы къ нему больше вниманія. Короче сказать, ему наскучила толпа, и скоро оказалось, что онъ смотритъ въ окно уже не ради знакомыхъ франтовъ, а въ надеждѣ увидать хотя мелькомъ своихъ сестеръ и братьевъ. Попадался ему на глаза по временамъ только младшій братъ, и съ каждымъ разомъ онъ ему казался болѣе и болѣе заброшеннымъ и безпорядоч-

нымъ; порою попадалась и кудрявая сестра, и она какъ будто дѣлалась все несчастнѣе и несчастнѣе; другихъ онъ не видалъ.

Вдругъ толпа зашевелилась, и всѣ головы обратились въ одну сторону. Вадимъ спросилъ, что тамъ такое, и ему сказали, что всѣ хотятъ взглянуть на знаменитаго героя, что герой этотъ выигралъ много сраженій, прославилъ свое отечество и теперь возвращается домой. Всѣ вставали и смотрѣли. Вадимъ также всталъ и взглянулъ. Толпа раздвинулась, и герой показался.

Никто не спрашивалъ, красивъ ли онъ, хороши ли его манеры, принятъ ли въ избранномъ въ обществѣ, имѣетъ ли роскошный пледъ и лорнетъ. Всѣ знали что онъ совершилъ, и этого казалось достаточно. Смуглое лицо героя обросло волосами, одной руки у него вовсе не было, грудь была усѣяна звѣздами. Не смотря на загаръ, бороду, усы, рубцы и раны, покрывавшіе лицо его, Вадимъ узналъ въ немъ любимаго брата. Тотъ и самъ, раскланиваясь ласково по сторонамъ въ отвѣтъ на привѣтствія толпы, съ безпокойствомъ отыскивалъ глазами знакомую карету, гдѣ и онъ сидѣлъ когда-то, и гдѣ ему такъ неловко было сидѣть; а теперь все это прошлое время казалось ему счастливѣйшимъ временемъ въ жизни.

— Благодарю васъ, господа; очень вамъ благодаренъ, господа. Я такъ долго странствовалъ. Я спѣшу домой.

— Ну конечно, это онъ! сказалъ Вадимъ, потирая руки отъ удовольствія. Онъ спѣшитъ домой; вотъ онъ сядетъ въ эту карету; онъ въ ней сидѣлъ, кажется, не болѣе какъ часъ тому назадъ; время такъ быстро летитъ. Мы были большіе друзья когда росли вмѣстѣ. Мой *братъ* и я, милостивые государи и государыни, *герой* и я; *мой братъ герой*, со звѣздами на груди; онъ спѣшитъ домой.

Увы! что пользы, что звѣзды и ленты украшаютъ грудь, когда на ней изъ маленькой ранки по каплѣ вытекаетъ кровь, а съ кровью и жизнь. Толпа замѣтила это — и встревожилась...

Герой приближался, но шелъ все тише и тише; потухавшій взоръ его жадно искалъ кареты, а Вадимъ стоялъ съ распростертыми объятіями, замирая отъ страха и тоски. И какъ разъ въ ту минуту, когда онъ началъ ужь надѣяться, когда братъ его былъ близко, близко, — вдругъ явилась между ними мрачная фигура въ плащѣ.

— Другъ,—обратился къ ней герой,—я столько разъ встрѣчалъ тебя лицомъ къ лицу безъ страха, но теперь... прошу тебя! повремени немного.

— Дай ему насладиться заслуженными лаврами, заговорили въ толпѣ.

— Нѣтъ, не то,—сказалъ герой: дай мнѣ только заглянуть домой, повидать своихъ... Но, другъ, если ждать не въ твоей власти,—я готовъ; бери меня; я такъ усталъ!—Онъ протянулъ свою единственную руку; Смерть подхватила его и унесла какъ ребенка, не смотря на всѣ его знаки отличія.

— Жестокая Смерть! вскричалъ Вадимъ: развѣ кромѣ него не было другихъ въ толпѣ? зачѣмъ же взять непремѣнно его!?

Толпа погоревала, но не долго; скорехонько всѣ разошлись по своимъ дорогамъ, и героя какъ будто позабыли. Вадимъ не находилъ уже ни малѣйшаго удовольствія въ болтовнѣ и поклонахъ; онъ сѣлъ печально у окна, въ надеждѣ не увидитъ ли еще какую нибудь дорогую для себя личность. Вотъ наконецъ, вглядываясь въ лицо одного всадника мрачной наружности, который держалъ рѣчь къ народу, онъ узнаетъ въ немъ своего ученаго всклокоченнаго брата.

«Что говоритъ этотъ человѣкъ?» спросилъ Вадимъ у окружающихъ.

«Этотъ человѣкъ?» — возразили ему, «да развѣ вы не знаете кто онъ? — это величайшій человѣкъ нашего времени. Онъ современный философъ. Его всѣ ходятъ слушать. Онъ первый открылъ, что.... что.... да что *все* въ мірѣ — ошибка.»

«А исправилъ онъ эту ошибку?» спросилъ Вадимъ.

«А вотъ послушайте его лучше сами.»

Вадимъ сталъ прислушиваться къ звучному, ровному голосу, и вотъ что онъ услышалъ.

«Глупцы пускай идутъ своей дорогою, по старой колеѣ. Обращаюсь къ меньшинству разумныхъ, и вотъ имъ мой совѣтъ: стряхните съ себя разъ навсегда всѣ мечты и чувства, всѣ вѣрованія, всѣ обычаи, которые сковали васъ, и будьте истинны. Настала уже та пора, когда мыслящіе не захотятъ идти съ завязанными глазами по стопамъ отжившихъ, но, сдернувъ повязку, будутъ вѣрить только собственнымъ глазамъ. Я сдернулъ свою и видѣлъ самъ то, что знаю. Вѣры не существуетъ

болѣе, такъ какъ она поколебалась въ своемъ основаніи. Надежды также нѣтъ, ибо она обманываетъ каждый день. Любви никогда и не было. Для всѣхъ и каждаго изъ насъ есть только его собственное назначеніе, и счастливѣйшій и умнѣйшій изъ насъ тотъ, кто перенесетъ его съ бо́льшимъ хладнокровіемъ.»

«Это ложь! вскричалъ Вадимъ. Я чувствую, я понимаю сердцемъ, что это ложь! Гнусная нелѣпость! О, неужели затѣмъ, чтобы проповѣдывать такое вредное безуміе, ты покинулъ домъ, покинулъ насъ? Братъ, братъ, приди назадъ! вернись домой!»

Философъ спокойно повернулъ голову и улыбнулся.

«Я очень благодаренъ тому господину, который сейчасъ говорилъ,» сказалъ онъ тѣмъ же сухимъ голосомъ, — «за его дурное мнѣніе и за добрыя пожеланія. Онъ кажется упомянулъ что-то о домѣ и о родныхъ. Я знаю по собственному опыту, что домашній очагъ болѣе всего оцѣнивается, когда его бросишь, а родные дѣлаются дороги только въ разлукѣ. Я, къ счастію, освободилъ себя отъ этихъ нелѣпостей. Пріятно думать, что судьбѣ не удастся оторвать меня отъ мѣста болѣе дорогаго мнѣ, чѣмъ то, въ которое ей было угодно меня забросить; не удастся отнять у меня нѣкоторыхъ друзей, которыхъ я болѣе цѣню и уважаю, чѣмъ тѣхъ, кого ей угодно было предназначить мнѣ въ друзья. Я рекомендую подобное же самоосвобожденіе господину, удостоившему меня своей рѣчью.»

Философъ поѣхалъ своей дорогой, толпа за нимъ.

«Есть разлука еще ужаснѣе смерти», сказалъ Вадимъ.

Онъ дернулъ за шнурокъ и позвалъ крестнаго тихимъ умоляющимъ голосомъ.

«Крестный, я знаю, это не ваша вина; но только наше катанье было самое неудачное. Вернемся назадъ и начнемъ прогулку снова. Пускай всѣ опять соберутся, и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ.»

— Что ты! ѣхать въ такой тѣснотѣ, со всѣми ребятишками, сказало Время, иронически улыбаясь.

«Намъ бы такъ было хорошо, — сказалъ Вадимъ тихо и покорно, — теперь такъ холодно, я озябъ одинъ; а тогда бы мы другъ друга согрѣвали.»

— Не забудь, у тебя теперь пледъ для тебя одного.

«Ахъ не говорите обо мнѣ! вскричалъ горячо Вадимъ. Я

думаю о нихъ; здѣсь очень просторно; маленькаго я посажу къ себѣ на колѣни, и мы будемъ такъ счастливы. Вѣдь дѣло-то вотъ въ чемъ, крестный,—я самъ оплошалъ. Я не съумѣлъ приняться за дѣло. Будь во мнѣ сколько нибудь любви, снисхожденія и доброты, — тогда и сестры остались бы съ нами, и мнѣ бы удалось, быть можетъ, образовать и облагородить наклонности младшаго брата, а другому брату доказать на дѣлѣ истину вѣры, надежды и любви, которыя онъ такъ оскорбляетъ. Крестненькій! поѣдемъ назадъ и начнемъ поѣздку сызнова. Только поѣзжай потише, а то слишкомъ часто приходится разставаться.»

— Мнѣ очень жаль, сказалъ съ горечью старикъ, но я принужденъ отказать тебѣ въ твоей безразсудной просьбѣ. Все, что ты говоришь, совершенно справедливо, только вотъ бѣда — всѣ твои добрыя намѣренія опоздали. Ты, какъ и всѣ тебѣ подобные, готовъ воспользоваться случаемъ, когда случая уже нѣтъ. Тебѣ слѣдовало бы *тогда* быть добрымъ, *тогда* совѣтовать и уступать. И любить сестеръ и братьевъ ты бы долженъ былъ пока они у тебя были. Теперь ужь поздно.

Тутъ онъ поѣхалъ дальше и ничего не говорилъ; а бѣдный Вадимъ грустно поглядывалъ въ окно. Заглядѣвшись на пеструю толпу, онъ вдругъ увидалъ телѣгу, запряженную собаками, а въ ней сидѣлъ его братъ съ своими дрянными товарищами. О, да какъ же онъ постарѣлъ, какой онъ утомленный! въ какія лохмотья одѣтъ! Люди, сидѣвшіе съ нимъ, какъ будто старались его принудить къ чему-то; вотъ онъ сталъ спорить, и въ самомъ разгарѣ спора обернулся и увидалъ карету. Вадимъ, замѣтивъ это, началъ махать руками, кивать и манить. Братъ не рѣшался; но Вадимъ удвоилъ старанія и даже Время какъ будто убавило рыси. Братъ догадался, выскочилъ изъ телѣги, какъ выскочилъ однажды изъ родимой повозки, и пробираясь между лошадьми и экипажами, все догонялъ и догонялъ свою прошлую жизнь. Спутники его бѣжали сзади; но онъ мчался какъ вѣтеръ. Вотъ ужъ близко, близко; вотъ онъ добѣжалъ до кареты, и Вадимъ втащилъ къ себѣ за лохмотья своего несчастнаго брата.

— Слава Богу, братъ! ты со мною, цѣлъ и невредимъ!

Но что съ нимъ сталось! Весь изсохъ, глаза провалились, кудрявые волосики сбились въ войлокъ и плотнѣе прилегали

къ лицу, чѣмъ лохмотья къ дрожавшему тѣлу. Какое зрѣлище для глазѣющей толпы; и какая пища для праздныхъ языковъ, то запскивающихъ, то оскорбляющихъ, и вѣчно лгущихъ безъ стыда, безъ совѣсти! Какая жертва для остроумія пріятелей франтовъ, добраго мнѣнія которыхъ Вадимъ такъ домогался! Полагаете вы, что онъ теперь о нихъ много думалъ? или что его тревожило сколько нибудь то, что о немъ говорили? или что онъ стыдился жалкаго бродяги, отдыхавшаго на его подушкахъ? Я не думаю; я думаю, даже у самолюбивѣйшихъ изъ насъ бываютъ минуты истиннаго чувства, когда мы судимъ о вещахъ возвышеннѣе, чѣмъ въ другое время, и совсѣмъ не расположены прислушиваться къ тому, что говорятъ о насъ люди. Стыдился Вадимъ одного: онъ и вспомнить не могъ, что въ то время, когда братъ его боролся съ лишеніями и искушеніями, самъ онъ преспокойно сидѣлъ на подушкахъ старой кареты, которая по настоящему принадлежала имъ обоимъ. Слава Богу, они опять оба въ ней!

Наконецъ-то бѣдный мальчикъ съ пальчикъ попалъ на первое мѣсто; Вадимъ же стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, и съ любовію ласкалъ головку, отдыхавшую на его плечѣ.

— Вѣрно пудра входитъ въ моду, братъ, сказалъ онъ, твои волосы пересыпаны бѣлымъ?

— Если это мода, отвѣчалъ тотъ смѣясь, то твой парикмахеръ лучше моего, Вадимъ: твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ.

— Можетъ-ли быть? неужели же мы такъ состарѣлись? неужели время такъ скоро пролетѣло!... Но что ты все смотришь въ окно, братъ? Я право ревную къ тебѣ всю эту толпу.

— Я и не смотрю на толпу, сказалъ тотъ слабымъ голосомъ, но я вижу!!...

— Что ты видишь?

— Я вижу фигуру въ плащѣ; она все мелькаетъ....

Вадимъ привскочилъ въ ужасѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ онъ задыхаясь: нѣтъ, невозможно!

— А я говорю да.

И точно, давно знакомая фигура Смерти приближалась, и впалые глаза несчастнаго брата при взглядѣ на нее еще болѣе впали. А бѣдный Вадимъ и не говорилъ и не двигался, такъ и заснулъ въ мучительномъ предчувствіи. Вдругъ ему приходитъ

счастливая мысль: онъ отталкиваетъ брата въ самый дальній уголъ кареты, и самъ храбро и рѣшительно становится у двери. Смерть стояла уже у кареты съ просунутой въ нее рукой. Онъ заговорилъ тихимъ, но твердымъ голосомъ, такимъ голосомъ, который жалостнѣе всякихъ слезъ и крика.

— Прошу тебя, умоляю, добрая Смерть, если тебѣ нуженъ одинъ изъ насъ, возьми меня. Я довольно покатался, успѣлъ насладиться и счастіемъ въ жизни. Какъ недостойный такой жизни, я готовъ оставить ее. Онъ же много терпѣлъ, а веселія не зналъ; дай ему прокатиться спокойно хоть сколько нибудь; онъ мученикъ, позволь мнѣ идти за него.

— Увы, Вадимъ, — такъ рѣшено Провидѣніемъ. Случаи дѣлать добро, выпадающіе на долю каждаго изъ насъ, — безчисленны; но когда человѣкъ пропуститъ хоть одинъ такой случай, то никакимъ самоотверженіемъ впослѣдствіи не можетъ онъ спасти падшихъ или пострадавшихъ отъ его небрежности. Съ этими словами Смерть вошла въ карету, одного взяла, другаго оставила.

Когда Смерть пробиралась чрезъ толпу, многіе оборачивались, чтобы взглянуть мимоходомъ на ея несчастную ношу, и чего — чего при этомъ не наговорили! Чаще всего было слышно: Ахъ онъ умеръ! Ну и дѣло! Негодяй естественный! Развязалъ наконецъ руки брату!—Сужденіе и умное и справедливое, какъ и всѣ людскія сужденія. Вадимъ ничего не видѣлъ и не слышалъ; онъ лежалъ безъ памяти на подушкахъ кареты.

Очнувшись, онъ почувствовалъ, что лежитъ дѣйствительно ничкомъ. Горькое чувство одиночества и скорби было въ немъ такъ сильно, что онъ еще долго лежалъ безъ движенія. Его однако удивила необыкновенная тишина. Шумъ отъ каретъ умолкъ, не слышно было ни одного звука. Или онъ оглохъ? или всѣ скрылись? Онъ открылъ глаза. Не то онъ ослѣпъ, не то ночь наступила? Онъ сѣлъ, встряхнулся и оглядѣлся. Исчезло все, и толпа, и крестный. Сидѣлъ онъ не въ каретѣ, а на постели. Комната была еще совершенно темна; на дворѣ кричали пѣтухи.

Не было уже сомнѣнія, что Вадимъ дома, у себя; но гдѣ его братья и сестры? Съ трепещущимъ сердцемъ поползъ онъ на другой конецъ кровати; тамъ лежалъ несчастный братъ, только не тотъ, что былъ со впалыми щеками, сѣдой, оборван-

ный, — нѣтъ! тамъ лежалъ нашъ розовенькій бѣлокурый забіяка, подложивъ ручонку подъ голову.—Я взялъ у него подушку, прошепталъ въ раскаяніи Вадимъ.

Нѣсколько минутъ спустя, юный мальчикъ съ пальчикъ (съ котораго Вадимъ не спускалъ глазъ, такъ и думая, что вотъ — вотъ онъ исчезнетъ) сидѣлъ очень уютно у брата на спинѣ, закутанный въ одѣяло, и совершалъ съ нимъ прогулку по комнатѣ.

— Ужасно весело! твердилъ онъ, дрожа отъ холода и отъ восторга.

Вадиму также становилось мало по малу веселѣе, когда обходя всѣ кровати, въ безобразныхъ глыбахъ на нихъ, онъ признавалъ своихъ братьевъ. Всѣ были на лицо; всѣ мирно почивали подъ родительскимъ кровомъ, въ томъ числѣ и будущій герой и будущій мыслитель; у мыслителя неразлучный другъ его — книга лежала подъ подушкой, а волосы разметались какъ копна сѣна.

— Слушай, прошепталъ Вадимъ, указывая на него; что такое онъ говорилъ на счетъ учительскаго званія?

— Онъ говорилъ, что желалъ бы сдѣлаться профессоромъ, отвѣчалъ малютка, а помнишь ты сказалъ, что онъ спугнетъ всѣхъ своихъ слушателей, если не позаботится о своей наружности. Помнишь, какъ онъ страшно поблѣднѣлъ, и сказалъ, что онъ совсѣмъ не зналъ, что и профессора должны быть франты, и что вѣрно всѣ люди одинаковы — только и умѣютъ хвастать и кокетничать; но что онъ будетъ философомъ какъ Діогенъ; Діогену вѣдь было все равно, что про него ни говорили; на видъ онъ былъ не лучше обезьяны, а жилъ просто въ бочкѣ.

— Изъ него выйдетъ отличный профессоръ, сказалъ живо Вадимъ; я ему это завтра скажу. Еще знаешь что: не попробовать-ли намъ приглаживать его волосы каждое утро щеткой, до тѣхъ поръ, пока онъ научится дѣлать это самъ?

— О, за это я берусь! затараторилъ въ отвѣтъ мальчуганъ. Я мастеръ чесать щеткой.

— Хорошо, сказалъ Вадимъ; а гдѣ у насъ дѣвочки?

— Въ маленькой комнатѣ, на концѣ корридора, отвѣчалъ мальчикъ съ пальчикъ, задрожавъ еще больше: ему стало еще холоднѣе и еще веселѣе.

— Но ты никогда къ нимъ не ходишь! Мы пожалуй разбудимъ всю честную компанію, и всѣ выскочатъ смотрѣть, что случилось.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Вадимъ, больше будетъ походить на правду.

Не понявъ къ чему это было сказано, мальчикъ съ пальчикъ не сказалъ ни слова, и вотъ они тихонько пробрались по холодному темному корридору на свѣтъ. Комната дѣвочекъ была отворена, потому что дѣвочки боялись воровъ, и ради безопасности отворяли дверь своей спальни настежъ. Онѣ спали на одной кроваткѣ.

— Какъ ты дрожишь! Тебѣ холодно? прошепталъ малютка. Но не получивъ на этотъ вопросъ отвѣта, онъ снова заговорилъ: А, не правда-ли, онѣ теперь прехорошенькія?

Но Вадимъ какъ будто потерялъ голову; онъ только нагнулся, тихонько поцѣловалъ обѣихъ дѣвочекъ; и оба брата осторожно отправились восвояси.

— Знаешь-ли что? сказалъ Вадимъ, войдя въ свою комнату. Возьми завтра мой лукъ и стрѣлы съ условіемъ, что ты....

— Все сдѣлаю, перебилъ мальчикъ съ пальчикъ радостнымъ шепотомъ.

— Возьми эту старую картину и употреби ее вмѣсто цѣли, чтобъ я ее больше не видалъ. — Это было очень неблагодарно; но вѣдь совершенства нѣтъ на землѣ; Вадимъ прошепталъ какъбы извиняясь: если этотъ ужасный сонъ повторится, — я не перенесу.

Мальчикъ съ пальчикъ былъ снова уложенъ въ постель; теперь ужь ему дали двѣ подушки. Но самъ Вадимъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заснуть; онъ сѣлъ у окна и закрылъ лицо руками.

— О чемъ онъ думаетъ? подумалъ мальчикъ съ пальчикъ, выглядывая на брата изъ своего теплаго гнѣздышка; и что это съ нимъ? какой онъ вдругъ веселый и ласковый сталъ!

Долго не поднималась юная головка; долго прекрасное личико оставалось закрытымъ. Вадимъ перебиралъ въ умѣ свою дѣйствительную жизнь, и находилъ её все болѣе и болѣе счастливою. Все, что ему казалось въ прошлый вечеръ такою тягостью, даже и комната набитая ночлежниками, и непрошеный

гость на его постели,—все теперь представлялось блаженствомъ. Наконецъ онъ всталъ и весь озарился восходящимъ солнцемъ, лицо свѣтилось улыбкой, на щекахъ блистали двѣ капли, но только кажется не воды.»

— Это конецъ? спросила дѣвочка, сидѣвшая на колѣнахъ, когда разскащикъ остановился.

— Да, конецъ.

— Какая славная сказка, прошептала она, но какая странная! Я думаю, мнѣ никогда не приснится такой удивительный сонъ!

А Сережа? Вмѣсто отвѣта онъ молча подошелъ къ Андрею Ивановичу, крѣпко пожалъ ему руку, и по лицу его видно было, что «Сонъ Вадима» былъ понятъ.

ОЧЕРКИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

I

Природа и люди на рѣкѣ Енисеѣ.

Енисей—одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ стараго свѣта, и такъ какъ она протекаетъ громадное пространство (около 5000 верстъ), то природа, ее окружающая, и люди, населяющіе ея берега, представляютъ чрезвычайное разнообразіе. Въ своемъ верхнемъ теченіи Енисей омываетъ въ Саянскихъ горахъ высокія голыя стѣны, поросшія хвойнымъ лѣсомъ, между тѣмъ какъ рѣки, впадающія въ него, протекаютъ по равнинамъ покрытымъ роскошною зеленью, подъ тѣнью сосновыхъ рощъ или чащей тростниковъ. Расширяясь болѣе и болѣе, Енисей быстро журчитъ между островами, поросшими кедрами, лиственницами и цвѣтными кустарниками. На правомъ, восточномъ берегу его поднимаются высокія горы, между которыми разстилаются равнины, украшенныя пестрымъ ковромъ цвѣтовъ. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются ему на пути величественные утесы и выдающіеся камни краснаго сланца, которые украшаются навислыми вѣтвями кустарниковъ, или сѣтью вьющихся растеній, и нѣжная зелень, мѣшаясь съ темнымъ багрянцемъ угрюмыхъ камней, составляетъ красивое соединеніе цвѣтовъ. Благодаря своей растительности область эта, не смотря на то, что лежитъ между 52° и 54° сѣверной широты, сохраняетъ до конца октября ясное небо и прекрасный воздухъ.

Но чѣмъ далѣе на сѣверъ течетъ Енисей, тѣмъ суровѣе,

непривѣтливѣе становится климатъ и природа его береговъ. Семь съ половиною мѣсяцевъ продолжается зима, и какая зима! Въ декабрѣ и январѣ стужа бываетъ такъ сильна, что птицы замерзаютъ на лету, ртуть термометра не выходитъ изъ своей чашечки и подъ часъ замерзаетъ въ ней, а деревья отъ мороза раскалываются съ верху до низу. Снѣгъ покрываетъ землю на $2^1/_2$ аршина вышиной, и все пространство, которое только можно охватить взглядомъ, окутано бѣлой пушистой пеленой, свѣтящейся на солнцѣ милліонами искръ. Прозрачность воздуха въ ясные, морозные дни положительно изумительна: простымъ глазомъ можно отличить съ ясностью на далекомъ разстояніи не только отдѣльныя или сгруппированныя горы, но и одиноко стоящія деревья. Особенно хороши ночи въ такую погоду! Небо такъ чисто, а звѣзды горятъ такъ ярко, какъ намъ, въ нашемъ туманномъ Петербургѣ, даже трудно себѣ представить.

Но жутко придется путнику, если его застигнетъ на пути жестокая сибирская *пурга*—такъ называютъ здѣсь мятель со снѣгомъ. Порывистый вѣтеръ несетъ и крутитъ падающій снѣгъ, съ вихремъ подымаетъ его, вьетъ въ воздухѣ и съ визгомъ и воемъ несетъ его, заметая дороги и все, что попадется на пути. Тамъ, гдѣ лежали груды снѣга — образуются плѣшины, а гдѣ были плѣшины или дорога — тамъ являются непроходимые сугробы. Все превращается въ снѣжный прахъ, который утомляетъ несчастнаго путника, леденитъ его члены, затмѣваетъ путь и скрываетъ небо!

Такова длинная сибирская зима съ ея стужей, ясными днями и пургами.

Но вотъ въ воздухѣ дѣлается теплѣе. Приближается Пасха. Съ какимъ петерпѣніемъ ждетъ сибирскій земледѣлецъ этого праздника! Вѣдь съ нимъ приближается весна, а съ весной время посѣва хлѣба. Хлѣбопашество не легко дается сибирякамъ, по причинѣ суровости климата, и не вездѣ хлѣбъ одинаково хорошо всходитъ. Потому и тревоги при посѣвѣ, и множество суевѣрныхъ обычаевъ, которые соблюдаются при этомъ крестьянами. Да и какъ же не тревожиться, когда хлѣбъ составляетъ ихъ главное богатство и благополучіе!

Вотъ прошла Пасха, стаиваетъ снѣгъ; крестьянинъ ѣдетъ

въ полѣ, навѣдаться на сколько отошла земля и не отошелъ ли корешекъ травки.

Пришло время сѣять. Задумали завтра отправиться въ полѣ. Начинаются приготовленія. Прежде всего идутъ въ баню и надѣваютъ чистое бѣлье, а нѣкоторые даже надѣваютъ новое, съ иголочки, потому что сѣять хлѣбъ не простое дѣло, о немъ вся молитва Богу. Съ утра приглашается священникъ; служится молебствіе; затепливаются передъ образомъ свѣчи и молятся Богу. Отецъ если не ѣдетъ самъ, благословляетъ дѣтей, которые ему кланяются въ ноги.

Посѣяли. Съ тревогой ждутъ всходовъ. Хозяинъ часто ѣздитъ въ полѣ и слѣдитъ, между прочимъ, какъ-то почка распускается на тальникѣ: если красноватая, значитъ уродится яровой хлѣбъ (такъ называется тотъ хлѣбъ, который сѣется весною), а если зеленая—то лучше будетъ озимый хлѣбъ, посѣянный предъидущею осенью. Ждутъ тоже не дождутся перваго грома, потому что раннія грозы считаются предвѣстниками урожая.

Не долго приходится ждать крестьянину распусканія почки, потому что одна изъ особенностей восточной Сибири та, что зима быстро смѣняется знойнымъ лѣтомъ, и поле, за недѣлю еще окоченѣвшее отъ продолжительныхъ морозовъ, покрывается сочными травами и пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, которые бросаются въ глаза яркостью и разнообразіемъ красокъ. Луга пестрѣютъ желтыми, красными, синими, фіолетовыми цвѣтами, и хотя желтый и бѣлый цвѣтъ преобладаетъ здѣсь тоже, какъ у насъ въ Россіи, но красный и желтый цвѣта отличаются темнымъ прекраснымъ отливомъ, которому красивая лазурь сосѣднихъ цвѣтовъ придастъ особую прелесть. Наступаютъ жары, достигающіе въ незащищенныхъ мѣстахъ,—въ степяхъ и поляхъ —такого зноя, что дѣлаются положительно невыносимы. Кромѣ зноя, злѣйшимъ человѣческимъ врагомъ дѣлается такъ называемая сибирская мошка, которая миріадами носится въ воздухѣ, больно кусаетъ и заползаетъ всюду. Деревья быстро распускаются и вскорѣ появляются ягоды всѣхъ возможныхъ родовъ: малина, черника, брусника, костяника — не большая продолговая краснаго цвѣта ягода, довольно кисловатая, но пріятнаго вкуса—земляника, смородина, моховка (особаго рода смородина, растущая преимущественно на мху, изъ которой сибиряки приготовляютъ наливки,

и другія ягоды, въ такомъ громадномъ количествѣ, о которомъ у насъ и понятія не имѣютъ. Будто природа этимъ изобиліемъ ягодъ старается пополнить отсутствіе другихъ плодовъ: грушъ, сливъ, яблокъ, не могущихъ расти на такомъ далекомъ сѣверѣ.

Посѣявъ хлѣбъ, крестьяне хлопочутъ о засадкѣ огородовъ, а въ концѣ мая сѣятъ кудель. Потомъ сѣнокосъ. Но женщины, въ промежуткѣ между засадкомъ огорода и сѣнокосомъ, ткутъ полотно, бѣлятъ его, шьютъ бѣлье. Приходитъ время жатвы. Затѣмъ убираютъ поля, засѣянныя картофелемъ. Кончили это; мужчины занимаются подготовкою мельницъ, а женщины — уборкой огородовъ; наконецъ дѣло доходитъ и до кудели, которую снимаютъ съ поля, сушатъ въ баняхъ, мнутъ мялкой, треплятъ трепаломъ и молотятъ валикомъ. Мужики, между тѣмъ, продолжаютъ заботы о хлѣбѣ: молотятъ, вѣютъ и возятъ на мельницу.

Не долго продолжается лѣто; въ сентябрѣ наступаютъ уже морозы. Мужики спѣшатъ убрать хлѣбъ, потому что скоро, скоро за тѣмъ наступитъ зима, съ своей трескучей стужей, съ ясными морозными днями и съ пургами.

Зимнія работы смѣняютъ лѣтнія; кто начинаетъ рубить дрова себѣ и на продажу, кто везетъ тяжести на золотые пріиски, которые находятся на нѣкоторыхъ притокахъ верхняго Енисея, (между прочимъ, на верхней Тунгузкѣ, огромной, чрезвычайно быстрой рѣкѣ, впадающей въ него съ правой стороны), а кто собирается въ лѣсъ за звѣремъ. Въ лѣсѣ нѣтъ недостатка, а въ звѣрѣ и подавно, а потому звѣроловство одинъ изъ главныхъ промысловъ для сибиряка.

Идти въ лѣсъ за звѣремъ не шуточное дѣло, а потому и сборы къ этому бываютъ не малые. Вся одежда звѣролова приспособлена къ тому, чтобы легче и мягче ходить на лыжахъ, а что такое лыжи это будетъ сказано ниже. Сверхъ верхней одежды онъ надѣваетъ кусокъ холста съ прорѣзанной по серединѣ дырой, въ которую можно просунуть голову. Этотъ холстъ достигаетъ и спереди и сзади до пояса. Подъ этотъ холстъ надѣвается на спину такъ называемая *поняга*. Это доска болѣе полу аршина длины, въ углахъ которой продѣты двѣ ременныя петли, одна съ правой, другая съ лѣвой стороны; въ эти петли просовываются руки, такъ чтобы петли можно было связать на груди; съ верхней стороны поняги продѣваются четыре ремешка

для привязки добытаго звѣря. Привязанный звѣрь прикрывается на спинѣ тѣмъ кускомъ холста, о которомъ сказано выше и такимъ образомъ защищается отъ засыпанія снѣгомъ, который хлопьями валится съ деревьевъ въ то время, какъ звѣроловъ между ними пробирается. На руки надѣваются *мохнатики* изъ оленьей шкуры.

Чтобы не тонуть въ снѣгу, на ноги надѣваются *лыжи*, вполнѣ принаровленныя къ легкости и быстротѣ хода; онѣ дѣлаются длиною аршина $1^1/_2$, изъ узкой словой доски, концы которой слегка закруглены и загнуты кверху, а середина выгнута дугой. Эти выгибы даютъ удивительную быстроту: стоитъ только ступить и слегка толкнуть лыжу ногой, чтобы она быстро двинулась впередъ. Снизу лыжи оклеиваются оленьей шкурой и притомъ такъ, чтобы движеніе впередъ приходилось по шерсти, а не противъ шерсти. По серединѣ лыжи дѣлаются ременныя петли, въ которыя продѣвается носокъ ноги, а концами петли завязывается нога сзади, чтобы она не катилась назадъ.

Въ руки звѣроловъ беретъ посохъ; на него онъ опирается и это способствуетъ быстротѣ хода; имъ же онъ сбиваетъ массы снѣга, который виситъ въ огромномъ количествѣ на вѣткахъ и заваливаетъ его въ то время, какъ онъ пробирается черезъ лѣсъ. На верхнемъ концѣ посоха придѣланъ крючекъ, который служитъ при подъемѣ на гору, чтобы можно было зацѣпиться за деревья и кустарники.

На плечо онъ надѣваетъ винтовку, беретъ съ собою пороховницу, кошель съ пулями и съѣстными припасами и, помолясь Богу—пускается въ путь.

Густыми, почти непроходимыми лѣсами, называемыми въ Сибири *тайгой*, покрыты высокія горы, которыя тянутся по берегамъ Енисея и притокамъ его. У насъ въ Россіи и понятія не имѣютъ, что такое тайга, такъ какъ у насъ нѣтъ такихъ безконечныхъ глухихъ лѣсовъ, какъ тамъ. Разница между лѣсомъ и тайгою та, что лѣсъ граничитъ такими-то и такими-то мѣстностями и въ немъ ростутъ деревья различной или однаковой породы, а тайга — трудно проходимая чаща деревьевъ растущихъ, лежащихъ, гніющихъ на топкой болотистой почвѣ, загроможденной огромными камнями и валежникомъ, хитро

перемѣшавшимся со стелющимися растеніями; границы тайги темны, смутны или вовсе не извѣстны. Проѣзжій человѣкъ видитъ только мрачный лѣсъ, тѣснящійся по обѣимъ сторонамъ дороги; видитъ, какъ этотъ лѣсъ, то вздымается подъ облака, то какъ будто сваливается въ глубокія, мрачныя тѣснины горъ; видитъ онъ, что та дорога, по которой онъ ѣдетъ, не мало потребовала человѣческихъ усилій, потому что человѣкъ боролся долго, упорно со страшнымъ врагомъ—тайгою, и результатомъ этой борьбы была только одна не широкая просѣка, по которой торчатъ теперь по сторонамъ березовые столбы, да кое-гдѣ пестрѣютъ, тѣснясь у опушки лѣса, бѣдныя деревушки, видимо построенныя для того, чтобы образовать почтовый трактъ.

Лиственница Зимою.

Но звѣроловъ не идетъ по просѣкѣ—здѣсь онъ звѣря не встрѣтитъ,—а углубляется онъ въ такую чащу, въ которую проѣзжій человѣкъ и не заглянетъ.

Не надо, однако, искать въ этихъ тайгахъ роскошныхъ величественныхъ деревъ, которыя встрѣчаются въ первобытныхъ лѣсахъ Америки. Лѣса сибирскіе преимущественно —

хвойные лѣса, а хвойные лѣса отличаются своею мрачностью, своимъ ростомъ въ вышину, но никакъ не роскошью красокъ, вѣтвистостью и ростомъ въ толщину. Непривѣтливый климатъ мѣшаетъ росту и развитію деревьевъ, которыя поэтому не имѣютъ той силы и того вида здоровья, какіе свойственны деревьямъ умѣреннаго климата; онѣ отличаются своею дробностью, и, проѣзжая по тайгѣ, удивляешься больному виду и моложавости ихъ — кажется имъ нѣтъ и полувѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ вглядѣвшись по ближе убѣдишься, по висящимъ на ихъ вѣткамъ длиннымъ бородамъ сѣровато-черныхъ мховъ, что это почтенные старцы, а не молодыя деревья, какъ это показалось съ перваго взгляда.

Сибирская Пихта.

Здѣсь встрѣчается лиственница, которая даетъ мягкій оттѣнокъ тому убійственному разнообразію, какое свойственно всѣмъ сѣвернымъ странамъ. Ея вѣтви, особенно въ началѣ лѣта, когда онѣ сочны, имѣютъ свѣжій, веселый видъ. Стволъ лиственницы такъ крѣпокъ, что сибиряки берутъ на фунда-

ментъ дома не камни, а бревна лиственницы, увѣренные, что эти бревна сотни лѣтъ, или какъ они говорятъ, вѣкъ не гніютъ. Кромѣ лиственницы — представители тайги: ель, сосна, пихта, которая бросается въ глаза своимъ пріятнымъ, синевато-зеленымъ цвѣтомъ; она достигаетъ необыкновенной вышины, но ширина ея вѣтвей въ окружности очень незначительна—оттого она и ростетъ необыкновенно часто. Вслѣдствіе тонкости ствола, пихта постоянно колышется.

Но самое роскошное дерево въ Сибири—кедръ, краса сибирскихъ лѣсовъ; онъ имѣетъ цилиндрическую форму, вверху не только округленъ, но и разширенъ; такая форма кедра зависитъ отъ того, что у него нижнія вѣтви не разбрасываются, какъ у сосны, а опускаются внизъ, сильно выгибаясь. Это очертаніе и кудрявая зелень длинныхъ иглъ, окружающихъ стволы, придаютъ кедрамъ, среди однообразныхъ формъ остальныхъ деревьевъ сибирскихъ лѣсовъ—чрезвычайную прелесть. Особенно красивы кедры зимою, когда ихъ прекрасная зелень выдѣляется отъ ослѣпительной бѣлизны и серебрянаго блеска снѣга. Сѣмяна этихъ кедровъ сибиряки употребляютъ какъ лакомство подъ названіемъ *кедровыхъ орѣшковъ*. Чтобы добыть кедровыя шишки, заключающія въ себѣ сѣмяна, губятъ цѣлое дерево, срубаютъ его и обираютъ шишки; но къ счастію, этотъ варварскій обычай не можетъ истребить кедровые лѣса, потому что людей такъ мало, а кедровъ такъ много, что послѣднихъ подростаетъ гораздо больше, чѣмъ погибаетъ.

Всѣ эти деревья ростутъ близко другъ отъ друга, представляя подъ часъ непроходимую чащу, вслѣдствіе переплетенія корней и свалепныхъ бурями другъ на друга цѣлыхъ деревьевъ съ ихъ стволами и вѣтвями. Въ эти-то чащи пробирается звѣроловъ за добычей, а добыча его — бѣлка, соболь, олень и др.

Каждому извѣстна *бѣлка*; каждый видалъ ее если не въ лѣсу, то на биржѣ, или на улицѣ, въ клѣткѣ, забавно прыгающею въ колесѣ.

Звѣрекъ этотъ имѣетъ довольно длинную, мягкую, сѣровато-пепельнаго цвѣта шерсть, которая на брюшкѣ короче чѣмъ на спинкѣ, и чѣмъ она темнѣе, тѣмъ бѣлка цѣнится выше; на стоячихъ ушкахъ шерсть длинная, темнаго цвѣта, въ видѣ кисточекъ, на хвостѣ тоже длинная, густая, пушистая; ножки

также мохнаты, съ широкими ступнями, когти довольно длинные, острые; мордочка очень красивая, тупая, съ черными, быстрыми, большими глазками; зубы спереди большіе, острые;

Бѣлка.

на губахъ большіе, черные усы и заднія ножки нѣсколько длиннѣе переднихъ.

Лѣсъ—жилище бѣлки; преимущественно она живетъ въ кедровомъ, сосновомъ, лиственничномъ и пихтовомъ лѣсу. Она живетъ въ гнѣздахъ, называемыхъ по сибирски *гайнами*, которыя чрезвычайно искусно дѣлаетъ на деревьяхъ изъ перевитыхъ прутиковъ, перенизанныхъ мхомъ, кедровыми и сосновыми иглами и травой. Нерѣдко она занимаетъ вороньи и сорочьи гнѣзда, силою выгоняя хозяевъ изъ ихъ жилища и съѣдая ихъ яйца. Питается она кедровыми орѣшками, лиственничными шишками, грибами, желудями, и любитъ тоже полакомиться ягодами. Она мастерски ѣстъ орѣшки, сидя на заднихъ лапахъ, а передними, какъ руками, подаетъ въ ротъ орѣхи, раскусываетъ ихъ изумительно скоро, такъ что шелуха летитъ по обѣ стороны отъ ея рта. Дѣйствительно весело смотрѣть съ какою ловкостью она справляется съ ними; не даромъ говорятъ, что сибиряки, привыкшіе къ кедровымъ орѣшкамъ, ѣдятъ ихъ какъ бѣлки.

Своихъ дѣтей бѣлка кормитъ сначала молокомъ, а потомъ, когда опѣ подростутъ — всякой всячиной, искусно таская имъ пищу во рту. Маленькіе бѣльчата очень красивы и игривы, и до того бываютъ малы, что издалека на деревьяхъ они кажутся воробьями, особенно, если тихо и спокойно сидятъ на вѣтвяхъ.

Бѣлка никогда не ходитъ, но всегда прыгаетъ, находится ли она на деревѣ или на землѣ; и съ какой ловкостью, легкостью, граціей она это дѣлаетъ—словно птичка перепархиваетъ она съ вѣтки на вѣтку. Въ дождливую погоду она больше сидитъ въ гнѣздѣ и не выходитъ; но лишь только проглянетъ солнце, она тотчасъ выглядываетъ, отряхивается и сушится на солнцѣ. Въ вѣтреную холодную погоду она почти постоянно бѣгаетъ по землѣ, вѣроятно оттого, что ей не нравится однообразная качка и скрипъ деревьевъ. Въ зимнее время она любитъ быть на солнцѣ; сидитъ на вѣткѣ на заднихъ лапкахъ, а передними умывается, какъ кошка, распустивъ свой длинный пушистый хвостикъ. Голосъ ея похожъ на какое то чоканье сквозь зубы, иногда же на голубиное воркованье. Сибиряки говорятъ, что бѣлка *уркаетъ* или *урчитъ*.

Преслѣдуемая охотниками и загнанная на отдѣльно стоящее дерево, она безпрестанно перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, взбирается на самую верхушку, сердится, третъ передними лапками свою мордочку и урчитъ.

Звѣроловы уходятъ изъ дому за ловлей звѣря, на нѣсколько недѣль, и для своихъ ночевокъ устраиваютъ на выбранномъ мѣстѣ шалашъ, или какъ они говорятъ,—*зимовье*, въ которомъ они сохраняютъ свои припасы, пойманнаго звѣря, и проводятъ ночь.

Бѣлку они или стрѣляютъ, или ловятъ плашками или осилками.

Плашками они называютъ двѣ доски, которыя придѣлываются къ дереву и устроиваются такъ, чтобы одна доска однимъ концомъ своимъ прикасалась къ концу другой, и чтобы верхняя захлопнулась на нижнюю, если бы звѣрекъ вздумалъ залезть между ними. Чтобы приманить въ этотъ промежутокъ бѣлку, сюда кладутъ лиственничныя шишки, сушоные грибы, а если есть—то и сырую говядину. Но вкусъ бѣлки прихотливъ, такъ что случалось, что всѣ подобныя приманки не дѣйствовали. Одинъ звѣроловъ разсказываетъ, что какія вкусныя для бѣлки приманки онъ ни клалъ въ свои плашки, онѣ оставались пусты. Что тутъ дѣлать? горе да и только! Бродилъ онъ цѣлые дни вокругъ своихъ плашекъ, покачивая головой да почесывая затылокъ; и вотъ однажды замѣтилъ онъ на снѣгу кусокъ сукна

отъ своей верхней одежды, крѣпко замаранный и весь изгрызанный. Разсматривая, онъ замѣчаетъ, что это зубы бѣлки. Вспомнилъ онъ, что тутъ ничего нѣтъ мудренаго, такъ какъ его одежда носится три года и болѣе десятка разъ была обливаема и живою и мертвою кровью, вымазана саломъ и т. д. Попробовалъ онъ вырѣзать всѣ наиболѣе засаленные куски своей одежды и употребить ихъ на приманку. Что же бы вы думали было результатомъ? 400 бѣлокъ; и все это въ остальное время того-же сезона ловли.

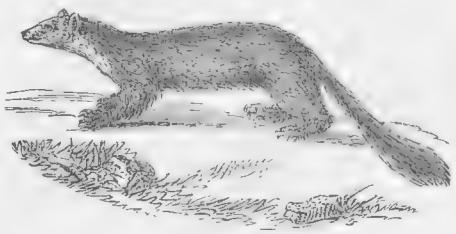
Кромѣ ловли плашками есть еще ловля осилками. *Осилкомъ* называется тонкій шестикъ, на концѣ котораго привязываютъ тонкую изъ волосъ сплетенную петельку. Звѣроловъ подходитъ съ такимъ осилкомъ къ дереву, на которомъ находится гнѣздо бѣлки, постукиваетъ его такъ, чтобъ сотрялись вѣтки, а иной шутникъ даже спрашиваетъ: «кто тутъ есть?», отъ чего любопытная бѣлка высовываетъ головку, опускаетъ ее внизъ и привѣтствуетъ своего врага радостнымъ чоканьемъ. Она настолько поражена неожиданностью и на столько любопытна и простодушна, что смотритъ пристально своими черными глазками даже и въ то время, когда звѣроловъ подымаетъ и наводитъ петлю ей на шейку, послѣ чего простодушная бѣлка мгновенно вылетаетъ изъ гнѣзда. Подруги ея конечно думаютъ, что она выпрыгнула за чѣмъ нибудь пріятнымъ, можетъ быть за добычей,—и въ свою очередь другая высовываетъ головку. А звѣроловъ еще ловче и скорѣе накидываетъ петлю и на эту; за тѣмъ на третью, четвертую и т. д.

Стрѣляютъ же бѣлку очень рѣдко, потому что звѣроловы увѣряютъ, что не стоитъ зарядъ тратить—сама идетъ на ловушку.

Всѣ труды, всѣ лишенія, которыя претерпѣваетъ звѣроловъ, вознаграждаются скорымъ и хорошимъ сбытомъ бѣлячьихъ шкурокъ. И какъ не быть хорошему сбыту, когда мѣха изъ бѣличьихъ шкурокъ употребляются и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Америкѣ, и когда ихъ носятъ и богатые, и бѣдные люди, потому что они дешевы, легки, теплы, не маранотъ и прочны.

Труднѣе и менѣе успѣшна охота за *соболемъ*,—менѣе успѣшна потому, что число соболей съ каждымъ годомъ уменьшается и они не попадаются болѣе, какъ бывало прежде, сот-

нями, а только по штучно. Рубка лѣсовъ, лѣсные пожары и усиленная охота за ними были вѣроятно причиной ихъ истребленія. Но ловля соболей такъ выгодна, прекрасная шкурка ихъ такъ дорого цѣнится, что для звѣролова составляетъ верхъ наслажденія поимка соболя и охота за нимъ, не смотря на трудности, которыми она сопровождается.



Соболь.

Соболь величиною съ домовую кошку, но онъ тоньше кошки и пониже ея на ногахъ, съ маленькими стоячими ушами и длиннымъ пушистымъ хвостомъ. Голова у него продолговатая, рыльце острое, глаза черные, веселые и быстрые. Вся фигурка показываетъ, что это чрезвычайно рѣзвый, ловкій и отважный звѣрекъ. Лапки его мохнаты, съ острыми, довольно большими когтями. Цвѣта онъ темнобураго съ рѣдкою просѣдью на спинѣ. Шерсть его мягка и пушиста. Чѣмъ соболь темнѣе, тѣмъ онъ дороже цѣнится.

Высокіе лѣсистые хребты съ утесами и каменистыми розсыпями, глухая тайга, въ которую не заходитъ нога человѣческая — вотъ любимыя мѣста соболей. Они обыкновенно гнѣздятся въ дуплахъ, подъ корнями деревъ, въ щеляхъ и разсѣлинахъ утесовъ, даже на деревьяхъ между вѣтвей въ бѣличьихъ и вороньихъ гнѣздахъ. Молодые соболи очень веселы, живы и граціозны, и имѣютъ въ себѣ очень много кошачьяго. Соболь чрезвычайно быстръ на бѣгу, лазитъ по деревьямъ, скачетъ по вѣтвямъ и прыгаетъ по нимъ съ дерева на дерево такъ быстро, что скоро исчезаетъ изъ виду звѣролова, гоняющагося за нимъ. Зимою въ большіе холода онъ, какъ бѣлка, любитъ погрѣться на солнышкѣ; сидитъ себѣ на вѣткѣ и не шевельнется. Питается онъ мелкими птичками, молодыми рябчиками, тетеревами, куропатками, находитъ ихъ гнѣзда и съѣдаетъ яйца.

Соболь смѣлъ и кровожаденъ, но когда завидитъ опаснаго врага — собаку или человѣка — (а узнаетъ онъ о присутствіи врага очень скоро, потому что у него отличный слухъ и превосходное зрѣніе) — тотчасъ же бросается спасаться, какъ стрѣла бѣжитъ по ровному мѣсту, виляетъ между деревьями и мелькаетъ, какъ птичка. Если онъ застигнутъ при большомъ снѣгѣ въ чистомъ мѣстѣ собаками, онъ нарочно бросается въ ту сторону, гдѣ снѣгъ поглубже, зарывается и бѣжитъ низомъ, а саженъ черезъ 20 или 30 снова появляется на поверхности и бѣжитъ спрятаться въ какую нибудь щель или дупло; собаки-же потерявъ его слѣдъ, бросаются иногда въ противоположную сторону и такимъ образомъ совершенно теряютъ его изъ виду.

«Пошли мы съ сыномъ, разсказываетъ одинъ звѣроловъ, посмотрѣть въ лѣсу бѣлку, много-ли и хороша-ли она? Ну оно хоть бѣлки и довольно было, да шкурка на ней была не казиста объ эту пору. И пошли мы назадъ, только видимъ слѣдъ соболя, а съ нами собаки — онѣ уже побѣжали по слѣду; вѣстимо и мы за ними: соболь дорогой звѣрь. Сколько ни гнались, а подошла ночь, переночевали въ лѣсу да и впередъ; послѣ полудня ужь собаки смотримъ — мечутся все около однихъ деревьевъ взадъ и впередъ; подошли мы, смотримъ: вокругъ пяти деревьевъ десятины на двѣ все мѣсто соболь избѣгалъ и такъ и сякъ, а гдѣ теперь — сказать нельзя, все перепутано, все изрыто; посмотрѣли мы и тутъ и тамъ — не видно, плюнули да и пошли было себѣ назадъ; только собаки начали скрести подъ деревомъ; вернулись, смотримъ, а соболь далеко летитъ, да къ лѣсу, къ чащѣ, собаки за нимъ, уже близко, близко — настигаютъ, сейчасъ схватятъ, а онъ скокъ на дерево, да и пошелъ по верхушкамъ съ одного дерева на другое, а лѣсъ-то частый. Подумали — тутъ ужь его царство, да и бросили. Скачетъ вѣдь онъ сажени три и хоть десять верстъ проскачетъ,— такъ гдѣ-жъ его добудешь!»

Дѣйствительно, удачная охота за соболемъ зависитъ отъ случая. Иной разъ нѣсколько дней промучишься и не поймаешь ни одного соболя, а иной разъ и четверти часа довольно, чтобы ловля была совершенно удачная.

Соболя стрѣляютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его немного, и въ этихъ случаяхъ особой охоты за нимъ нѣтъ, а бьютъ ихъ слу-

чайно на охотѣ за другими звѣрями. Звѣроловъ, найдя соболиный слѣдъ, пускаетъ свою собаку на слѣдъ и поспѣшно идетъ за нею, прислушиваясь не лаетъ-ли гдѣ собака, не урчитъ-ли на нее соболь сидя на деревѣ, не фыркаетъ-ли онъ на нее: соболь въ минуту опасности прыскаетъ и фыркаетъ на своего врага, какъ кошка, и часто въ ярости бросается на него и жестоко царапаетъ ногтями. Заслышавъ очаровательные для его слуха звуки, звѣроловъ осторожно подкрадывается, отыскиваетъ притаившагося гдѣ-нибудь соболя, замираетъ на мѣстѣ, притаивъ дыханіе, и прицѣливается. Вотъ раздался роковой выстрѣлъ — и эхо еще не успѣло раскатиться по высокимъ горамъ глухой тайги, какъ уже соболь медленно, считая сучья, полетѣлъ съ дерева. Но это счастливый случай, а сколько такихъ, когда собака потеряетъ соболя, или звѣроловъ не поспѣетъ во время, и соболь скроется, перепрыгивая по верхушкамъ деревьевъ, запрячется въ щели между большими камнями, и ничѣмъ его оттуда не выживешь.

Тамъ, гдѣ соболей больше, ихъ ловятъ сѣтями, которыя растягиваютъ у камней, гдѣ находятся разсѣлины и пустоты. Соболь, убѣгая отъ собакъ, оставляетъ свое убѣжище, попадаетъ въ эти сѣти и запутывается въ нихъ. Только надо немедленно вынуть его изъ сѣти, иначе онъ прогрызетъ ее и ужъ тогда уйдетъ безвозвратно.

Шкурка снимается съ него какъ чулокъ; ее очень трудно выдѣлывать, потому что шерсть соболя, или лучше сказать пухъ съ мягкимъ волосомъ, чрезвычайно нѣженъ, такъ что можно легко испортить шкурку, которую потомъ ничѣмъ не поправишь. Шкурки отъ собольихъ лапокъ и головокъ собираются и продаются отдѣльно; онѣ идутъ на шапки, на воротники или на опушку одежды.

Кромѣ охоты за бѣлкой и соболемъ звѣроловъ охотится еще за лисицей, оленемъ, медвѣдемъ, горностаемъ и другими обитателями тайги, объ охотѣ за которыми и о свойствахъ которыхъ мы разскажемъ въ слѣдующихъ очеркахъ. Прибавимъ здѣсь только, что звѣроловамъ съ каждымъ годомъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе ихъ промыселъ, такъ какъ добычи все меньше и меньше. Золотые пріиски на верхнемъ теченіи Енисея, о которыхъ мы тоже будемъ говорить въ свое время, потребовали рубки тайги, и стукъ топоровъ, говоръ людей, рубка де-

ревъ, на которыхъ и подъ которыми устраивали себѣ жилища всѣ названные звѣри, заставили послѣднихъ покинуть свои прежнія мѣста жительства и удалиться далѣе на сѣверъ и на востокъ, куда ихъ опасные враги — люди еще не успѣли вполнѣ проникнуть.

Однако жители лѣсовъ изгоняются и истребляются не одними золотопромышленниками, но и лѣсными пожарами, которые свирѣпствуютъ по всей восточной Сибири и уничтожаютъ цѣлые лѣса. Эти пожары тѣмъ сильнѣе, что никто не тушитъ ихъ; продолжаются они иногда по нѣсколько лѣтъ сряду, такъ что сильные дожди не въ состояніи прекратить ихъ дѣйствія. Горитъ лѣсъ, мохъ, тундра или по сибирски *трунда*, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, и мѣры противъ распространенія пожара принимаются только тогда, когда огонь добирается до покосовъ, сжигаетъ сѣно и дровяные запасы безпечныхъ жителей, всегда надѣющихся на *авось*.

Одна изъ причинъ пожаровъ—разведенный въ лѣсу и не погашенный при уходѣ огонь; который иногда цѣлые годы тлѣетъ въ почвѣ, подъѣдая корни до тѣхъ поръ, пока стволы повалятся, и по сучьямъ ихъ начнутъ разливаться огненные потоки, поглощающіе все, что встрѣчается имъ на пути. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ почва сырая и въ сырую погоду — огонь пробѣгаетъ по лѣсу лишь вскользь и уничтожаетъ лишь самые сухіе стебельки, совершенно высохшіе мхи, и сухой хворостъ, пытаясь длинными язычками пробраться вверхъ. Мѣстами это ему и удается на томъ или другомъ деревѣ, болѣе покрытомъ мхомъ, и вотъ то тутъ, то тамъ пламя, какъ ракета, взвивается вверхъ вдоль бородатыхъ мховъ, висящихъ на сучьяхъ.

Великолѣпное и страшное зрѣлище представляетъ усилившійся лѣсной пожаръ въ темныя ночи. Кусты и хвойныя чащи пылаютъ какъ солома. Густой дымъ взвивается черными клубами, вспыхивая яркими газовыми огоньками, которые вѣтеръ разноситъ по воздуху. Жутко приходится звѣрю или человѣку, попавшемуся среди дыма и огня: куда ни кинется, нигдѣ нѣтъ выхода, бѣшеная стихія тѣснитъ со всѣхъ сторонъ, и единственное средство—найти узкую часть огненнаго круга и спастись бѣгствомъ.

Въ выгорѣвшихъ мѣстахъ первые годы не встрѣтишь ни

малѣйшаго слѣда животнаго, не услышишь и не увидишь ни одной птицы, вся мѣстность превратилась въ совершенную пустыню. Даже годы спустя почернѣвшіе остатки такихъ лѣсовъ приводятъ просто въ уныніе.

Но лѣсные пожары бываютъ слѣдствіемъ не только непотушеннаго во время огня въ лѣсу; они происходятъ еще оттого, что сибиряки имѣютъ обычай спаливать прошлогоднюю траву или кучи соломы и сжатыя поля, чтобы изъ золы вызвать сочную пышную траву или уничтожить сорныя травы и вредныхъ насѣкомыхъ. Пламя, пылая и треща, расходится по равнинѣ съ неимовѣрной быстротой, даже тогда, когда воздухъ совершенно спокоенъ, добирается до лѣсу и начинаетъ здѣсь гулять по верхушкамъ и стволамъ деревьевъ.

Звѣроловы уходятъ на охоту на цѣлыя недѣли, но къ Рождеству они стараются возвратиться домой; уходившіе на пріиски и на другіе заработки крестьяне тоже спѣшатъ быть дома къ празднику.

Праздникъ встрѣчается весело; во время святокъ подымается пиръ горой и веселье за цѣлый годъ. И въ домахъ, и на улицахъ веселое движенье, говоръ, смѣхъ и пѣсни. Даже старухи слѣзаютъ съ печи и вокругъ нихъ собирается молодежь послушать сказки да разсказы про старину.

Вотъ въ одномъ домѣ играютъ въ жмурки. И дѣвушки и парни, бѣгая вокругъ ловящаго, даютъ знать о себѣ не только шорохомъ, но и жгутованіемъ т. е. бьютъ жгутами, свитыми изъ платковъ. Наконецъ всѣ утомились, со всѣхъ градомъ льетъ потъ.

«Будемте пѣть пѣсни» говоритъ одна дѣвушка, едва переводя дыханье отъ бѣготни.

— Нѣтъ—погоди! пока бабушка не спитъ, пойдемте, дружки, выспрашивать у ней всякія мудрости.

«И взаправду! подхватываютъ всѣ,—пойдемъ-ка къ бабушкѣ».

Обступили старушку. Скажи, да скажи бабушка всѣ мудрости, какія знаешь.

И вотъ бабушка, крехтя, покашливая и ворча на то, что ее тѣснятъ, толкаютъ и возятся вокругъ, но въ душѣ довольная поговорить, начинаетъ разсказывать, какъ дѣвушки должны гадать, чтобы узнать, кто ихъ сужепый, что значатъ разныя при-

мѣты; такъ: если вороны летятъ стаей и каркаютъ, то быть дождю и снѣгу; если кошка царапается, то быть пургѣ, а если собака начнетъ кататься, то и знай, что будетъ дурная погода... Но не долго слушаютъ бабушку. На улицѣ послышалось пѣніе.

Поютъ! раздалось въ толпѣ,—это идутъ со звѣздою, пойдемте на встрѣчу! И вся молодежь, какъ одинъ человѣкъ, повернулась и выбѣжала изъ избы за ворота; только веселый звонкій хохотъ долеталъ до опустѣлой избы.

Звѣзда, которую носитъ по улицамъ веселая, поющая толпа, бываетъ аршина полтора въ поперечникѣ, и сдѣлана изъ бумаги пропитанной постнымъ масломъ. На ней изображены: корабль, носъ котораго въ родѣ змѣя, на кормѣ Полканъ богатырь, на палубѣ Добрыня Никитычъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ; потомъ три церкви; солнце, мѣсяцъ и звѣзда; турецкій городъ, море, гдѣ турки на катерахъ; на кормѣ корабля флагъ. Звѣзда эта укрѣплена на длинномъ шестѣ, съ помощью котораго ее поднимаютъ высоко.

Поетъ толпа о славномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, объ Алешѣ Поповичѣ, о храбромъ Полканѣ, о Добрынѣ Никитичѣ. Дѣйствующія лица богатыри, — старинныхъ русскихъ пѣсенъ; плывутъ они на кораблѣ по Черному морю, которое пѣсня называетъ Хвалынскимъ. Завидѣлъ ихъ турецкій ханъ Салтанъ Салтановичъ и говоритъ своимъ турчанамъ, чтобы они сѣли въ легки стружечки (челноки) и разбили тотъ соколъ-корабль: Алешу Поповича подъ мечь положили бы, Полкана въ сине море бросили, Добрыню Никитича задушили бы, а Илью Муромца живаго привели бы къ нему.—Славный богатырь Илья Муромецъ берстъ свой тугой лукъ съ каленой стрѣлой, и натягивая лукъ, приговариваетъ, что стрѣла его полетитъ прямо въ турецкій градъ, во зеленый садъ, въ бѣлый шатеръ, къ самому хану, и попадетъ она ему прямо въ грудь и вынетъ его ретивое сердце. Услышавъ это, испугались турчане, воротились къ хану и поклялись не бывать на синемъ морѣ, не видать Ильи Муромца и запретили это своимъ дѣтямъ, внучатамъ и правнучатамъ.

Пѣсня звѣзды становилась громче и громче; толпа подходила; вотъ она и противъ оконъ избы, гдѣ играла и рѣзвилась молодежь. Старушка бабушка не выдержала не посмотрѣть

въ окно на шумную веселую толпу; вспомнилась ей и ея молодость, и хохотъ, и шутки въ прежніе годы, заслушалась она, засмотрѣлась на молодежь. А толпа идетъ все дальше, пробирается къ избѣ богатаго крестьянина. Вотъ и звуки пѣсни слабѣютъ и замираютъ; но за то съ звонкимъ смѣхомъ бѣгутъ обратно дѣти, парни, дѣвушки.

Вбѣжали—что разговоровъ, шутокъ, разсказовъ! Начинается снова бѣготня, крики и смѣхъ, который еще усиливается, когда въ избу съ шумомъ вваливаютъ ряженые.

Тутъ и бука съ обмазаннымъ сажей лицомъ, съ рогами на головѣ, съ лохмотьями на ушахъ и съ папиросой во рту, огнемъ внутрь рта; тамъ настоящій чертъ съ рогами и хвостомъ, весь обтянутый чернымъ коленкоромъ; вотъ кто-то обшилъ себя медвѣжьей шкурой и ходитъ на четверинкахъ, присѣдая для отдыха на заднія лапы. Да гдѣ! не перечтешь всѣхъ рожъ и чудовищъ, которыя ввалили въ избу. Всѣ онѣ пляшутъ подъ удары бубна и звуки свистковъ, кричатъ, пищатъ, рычатъ, трещатъ и т. п. Однимъ словомъ кутерьма страшная; и продолжается она во все время святокъ.

Такъ работаютъ и такъ веселятся русскіе жители Сибири—преимущественно переселенцы изъ Россіи и казаки, пришедшіе при царѣ Іоаннѣ Грозномъ и его преемникахъ завоевывать Сибирь и поселившіеся тамъ. Но кромѣ русскихъ живутъ въ Восточной Сибири еще и другіе народы, которые, въ былое время, безгранично господствовали въ глухихъ тайгахъ и обширныхъ степяхъ всей Сибири, теперь же оттѣсняются русскими все далѣе и далѣе на сѣверъ и на востокъ.

Одни изъ этихъ коренныхъ обитателей Азіатской Россіи—*Тунгузы*, кочевой народъ, живущій въ мѣстности, находящейся между тремя большими рѣками, впадающими въ Енисей—Верхней, Подкаменной и Нижней Тунгузками, которыя и названы по имени этого народа.

Вся эта мѣстность покрыта дремучей, непроходимой тайгой, въ которой Тунгузъ чувствуетъ себя также дома, какъ и хищные звѣри, рыскающіе по этимъ лѣсамъ. Ему извѣстны каждое дерево, каждый кустарникъ, каждая скала; ему не страшны мракъ и холодъ этихъ лѣсовъ съ ихъ непривѣтливыми обитателями, онъ знаетъ всѣ свойства, всѣ привычки послѣднихъ, и

ему нечего ихъ бояться, потому что онъ всегда остается побѣдителемъ. Рѣдко случается, чтобы медвѣдь или другой хищный звѣрь взялъ верхъ надъ нимъ. Смѣлость и отважность его въ такой борьбѣ, изумительны. Идетъ онъ одинъ на неравный бой, вооруженный одной винтовкой или ножемъ, не приглашая товарищей, чтобы не дѣлить добычи, и одинъ одолѣваетъ врага. Онъ управляется съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ; онъ встрѣчаетъ его, какъ незваннаго гостя въ этомъ дремучемъ пространствѣ, въ которомъ, какъ хозяинъ на своемъ дворѣ, онъ никогда не заблудится, какъ бы далеко ни зашелъ.

Если случится проѣзжему человѣку, проѣздомъ черезъ тайгу, встрѣтить человѣка средняго роста, съ овальной головой, широкимъ лбомъ, смуглой изъ красна кожей, кругловатаго очертанія лицомъ, со смѣлымъ выраженьемъ, плоскимъ носомъ, узковатыми глазами и черными волосами, связанными на затылкѣ въ пучекъ или косу, перевязанную ремнемъ: это Тунгузъ.

Бѣжитъ онъ на скользкихъ лыжахъ, изворачиваясь бойко и ловко межъ тѣсно стоящихъ деревьевъ. На немъ надѣтъ *сокуй* т. е. шуба изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ и съ капюшономъ; на ногахъ—*сатуры* т. е. высокіе сапоги, идущіе выше колѣнъ, тоже изъ оленьей кожи, шерстью наружу. Болѣе ничего изъ одежды не видно. На рукахъ рукавицы изъ оленины; на плечѣ—винтовка; при ней пороховница и мѣшокъ для свинца. За спиной лукъ, колчанъ и стрѣлы; колчанъ сшитъ изъ оленьей кожи и вышитъ разноцвѣтнымъ бисеромъ. Стрѣлы, и тупыя, и остроконечныя, разной величины и формъ смотря по звѣрю, и съ деревянной шишкой на концѣ, которой онъ ловко ударяетъ по головѣ мелкихъ звѣрковъ, чтобы оглушить ихъ, не портя ихъ дорогой шкурки, и съ орлиными перьями на рукояткѣ стрѣлы. Орлиныя перья служатъ знакомъ могущества и прикрѣпляются еще и изъ того убѣжденія, что перо дастъ вѣрность полету стрѣлы. Завидѣвъ русскаго проѣзжаго, онъ останавливается и почтительно кланяется, и не подумаешь, глядя на него, что этотъ робкій человѣкъ за нѣсколько часовъ, можетъ быть, свалилъ медвѣдя. А вмѣстѣ съ тѣмъ Тунгузы дѣйствительно очень робки съ человѣкомъ, особенно съ русскимъ, къ которому они всегда относятся съ нѣкоторымъ страхомъ. Когда во время ихъ перекочевки съ мѣста на мѣсто со своими

олепями и женами, имъ случится встрѣтить русскихъ проѣзжихъ, они останавливаются всѣмъ караваномъ, снимаютъ свои шапки и почтительно кланяются. Какъ странно бываетъ тогда смотрѣть на эту полудикую смиренную толпу, пробирающуюся по дикопустыннымъ мѣстамъ!

Въ то время, какъ мы все это говоримъ, встрѣченный проѣзжимъ человѣкомъ Тунгузъ уже далеко. Несется онъ на своихъ лыжахъ и только изрѣдка мелькнетъ между деревьями, а тамъ снова исчезнетъ. Окончивъ свой промыселъ, Тунгузъ бѣжитъ по направленію къ своему жилищу, къ своему чуму. Чумъ дѣлается въ лѣтнее время изъ выдѣланной, а въ зимнее изъ невыдѣланной оленьей шкуры; формой онъ похожъ на отвѣсно-стоящій, растянутый колпакъ, съ отверстіемъ на верхушкѣ, черезъ которое проходитъ дымъ; въ поперечникѣ онъ имѣетъ шесть аршинъ, а въ вышину около 4-хъ аршинъ. Въ серединѣ чума разведенъ огонь, вокругъ котораго Тунгузы сидятъ скорчившись и нерѣдко даже засыпая въ этомъ положеніи. Полъ чума усыпанъ изрубленными вѣтками лиственницы, на стѣнахъ висятъ колчаны, лукъ, стрѣлы, винтовки, оленьи шкуры, сушеное мясо и т. д.

Вбѣгаетъ Тунгузъ въ свой чумъ, сбросилъ съ себя сокуй и является въ коротенькомъ казакинѣ, обхватывающемъ его стройный станъ, съ разноцвѣтными вышивками по бортамъ и съ бахрамою изъ звѣриныхъ волосъ по подолу. На ногахъ уже не тяжелые сатуры, но болѣе легкіе сапоги изъ той же оленьей шкуры. До половины стана штаны изъ выдѣланной въ родѣ замши оленины. На всей передней сторонѣ тѣла виситъ нагрудникъ изъ оленьей замши, разукрашенный бисеромъ и обшитый бѣличьими хвостиками. Станъ перехваченъ широкимъ кожанымъ ремнемъ, обвѣшаннымъ нѣсколькими кошельками, въ которыхъ вложены: маленькая желѣзная трубочка, огнивце, табакъ, сѣра, трутъ, ножъ и другія мелкія вещи. Всѣ кошельки и самый кушакъ вышиты бисеромъ и прошиты или лентой, или сукномъ, или ситцемъ. Но болѣе всего украшенъ колчанъ: бисеръ, стеклярусъ, подобранные лоскутки разнаго мѣха, шелкъ, сукно яркихъ цвѣтовъ, вышивка струнами по юфти или сафьяну — все тамъ есть, что только могла придумать и отыскать Тунгузка. На головѣ шапка изъ выдры или изъ лисьихъ лапокъ.

У огня сидитъ Тунгузка; на ней такой же нарядъ какъ и

у ея мужа, только на кушакѣ висятъ на ремешкахъ: наперстокъ безъ дна и трубочки съ иглами, нитками и жилами для шитья (послѣднія приготовляются вывѣтриваньемъ и вымиваньемъ оленьихъ кишекъ).

Она шьетъ и покачиваетъ одной рукой зыбку т. е. люльку, висящую передъ огнемъ. Зыбка дѣлается изъ деревянныхъ досокъ и имѣетъ видъ гробика; вверху съ трехъ сторонъ придѣлана оленья замша, обведенная спереди обручемъ и унизанная бисеромъ и другими украшеніями; самый ящикъ обитъ снаружи оленьей кожей, шерстью вверхъ; вмѣсто крышки, прикрѣпляются съ двухъ боковъ два лоскутка замши, которыя стягиваются ремешками; подъ головкой ребенка лежитъ кусокъ заячьяго мѣха; у съуженнаго бока зыбки придѣланъ колъ, вставляемый въ землю и вверху за обручекъ привязываемый къ жерди, на которой и качается зыбка. При этомъ головка ребенка всегда обращена къ огню вопреки извѣстному правилу: «держать голову въ холодѣ, а ноги въ теплѣ».

Вошелъ мужъ въ чумъ. Жена встаетъ, прибираетъ сброшенный имъ сокуй, снимаетъ съ него сатуры и подаетъ ему ѣсть. Пища Тунгуза состоитъ преимущественно изъ сала оленьяго и медвѣжьяго, кромѣ того они ѣдятъ сушеное мясо безъ соли и ягоды, прикусывая все это оленьимъ саломъ. Самымъ большимъ лакомствомъ считается каша съ медвѣжьимъ саломъ.

Жена приготовляетъ пищу, служитъ мужу, когда онъ ѣстъ, но сама не смѣетъ ѣсть въ одно время съ нимъ; она имѣетъ право только на одни остатки. Этотъ одинъ обычай показываетъ, что женщина находится у Тунгузовъ въ рабствѣ. Хотя они не обращаются съ нею, какъ другой народъ, живущій на нижнемъ теченіи Енисея: (Остяки) не имѣютъ привычки говорить съ женой только намеками или бить ее полѣномъ, если она что не поняла, или не быстро исполнила приказанія — они слишкомъ добродушны и мягки, чтобы быть способными на подобныя жестокости — но тѣмъ не менѣе, они смотрятъ на женщину, какъ на рабыню и считаютъ равныя отношенія съ нею унизительными для себя. При такомъ воззрѣніи на женщину у нихъ, естественно, существуетъ обычай многоженства; когда первая жена надоѣстъ или состарѣется, Тунгузъ беретъ себѣ другую, а первую оставляетъ себѣ въ качествѣ работницы. При выдаваніи

за мужъ, невѣсту, разумѣется, не спрашиваютъ согласія или несогласія выходить за мужъ. Ее отправляютъ одну въ чумъ жениха, гдѣ никто ее не встрѣчаетъ, гдѣ она сама распрягаетъ оленей и отпускаетъ ихъ въ табунъ жениха; входитъ въ чумъ, садится вблизи двери и начинаетъ подкладывать дрова въ огонь, а женихъ, выждавъ минуту, когда она войдетъ, снимаетъ съ себя верхнюю одежду и бросаетъ на колѣни невѣстѣ; она беретъ ее и выноситъ изъ чума и съ этой минуты считается хозяйкой дома.

На ней лежатъ всѣ тяжелыя работы: она сшиваетъ и ставитъ чумъ, выдѣлываетъ кожу, приготовляетъ пищу, шьетъ и вышиваетъ для себя, мужа и дѣтей, пасетъ оленей, нянчитъ дѣтей, колетъ дрова, разводитъ огонь, однимъ словомъ дѣлаетъ все, и даже иногда помогаетъ мужу на охотѣ. Поэтому женщина для Тунгузовъ необходима, и безъ нихъ мужчины пропали бы; однако, не смотря на ихъ очевидную полезность, ихъ участь, какъ видите, незавидная.

Большая часть Тунгузовъ крещена въ православную вѣру, о которой, впрочемъ, они имѣютъ самое неясное понятіе и исполняютъ обряды лишь въ присутствіи русскихъ, въ лѣсу же они преданы шаманству. Шаманство состоитъ въ поклоненіи всѣмъ силамъ природы: грому, молніи, вѣтру, солнцу, лунѣ, землѣ, но особенно—огню, который играетъ самую важную роль при всѣхъ обрядахъ. На него нельзя замахиваться острымъ оружіемъ; въ него нельзя втыкать ножъ; даже нельзя вынимать мяса изъ котла, пока огонь не потухнетъ. За неуваженіе къ огню слѣдуютъ наказанія; такъ—многія болѣзни и пожаръ происходятъ, по мнѣнію Тунгузовъ, вслѣдствіе гнѣва бога огня. Злые духи населяютъ лѣса, летаютъ по всюду, пугаютъ людей, приносятъ имъ болѣзни и несчастія. Разнося всѣ эти бѣды, они часто являются въ видѣ птицъ и другихъ животныхъ, поэтому у Тунгузовъ можно встрѣтить кромѣ деревянныхъ божковъ еще орла, коршуна, ворону, змѣю и даже нѣкоторыхъ рыбъ, которыхъ они считаютъ божествами, требующими поклоненія и вредящими тѣмъ, кто относится къ нимъ съ неуваженіемъ. Главою всего зла Тунгузы считаютъ діавола, котораго они называютъ *шайтаномъ*.

Не удивительно, что среди глухихъ, мрачныхъ лѣсовъ, въ

борьбѣ со стужей и разными непогодами, у робкаго, необразованнаго народа составилась такая непривѣтливая религія, которая запугиваетъ его и заставляетъ вездѣ и во всемъ видѣть опасность грозящую его спокойствію. Воображеніе его не могло не работать среди такой природы, и все, что его пугало, все, чего онъ не понималъ, онъ олицетворилъ въ боговъ и населилъ послѣдними и небо, и воздухъ, и лѣсъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это народъ способный, отъ природы веселый, живой, склонный къ развитію; но онъ мало приходитъ въ соприкосновеніе съ болѣе образованными русскими, остается все въ лѣсахъ, самъ съ собою, со своими предразсудками, суевѣріемъ, богами. Христіанская вѣра далеко еще не проникла въ сознаніе Тунгуза и хотя онъ исполняетъ обряды, но значеніе ихъ остается для него темнымъ, что конечно происходитъ отъ недостаточнаго разъясненія ему истинъ религіи. Вслѣдствіе этого, не смотря на то, что Тунгузы считаются христіанами, они въ сущности придерживаются шаманства, въ которомъ ихъ еще болѣе укрѣпляютъ ихъ жрецы, называемые *шаманами*. Шаманъ знаетъ волю боговъ, знаетъ всѣ обряды, исполняемые при свадьбахъ, при смерти, при болѣзняхъ, знаетъ всѣ молитвы каждому изъ боговъ, приноситъ жертвоприношенія, однимъ словомъ, играетъ важную роль въ семейной и общественной жизни Тунгузовъ.

Когда шамана призываютъ къ больному, онъ сперва долго не соглашается идти, затѣмъ наконецъ является. Нѣсколько дней не ѣстъ, не пьетъ, сидитъ въ мрачномъ молчаніи, и ждетъ пока на него сойдетъ вдохновеніе; если послѣднее долго не приходитъ, то Тунгузы начинаютъ помогать ему: пѣть, кричать, бить въ ладоши и скакать. Наконецъ шаманъ встаетъ, ударяетъ въ бубенъ и приказываетъ разгрести снѣгъ, загородить вѣтвями отъ вѣтра и приготовить мѣсто для раскладыванія огня. Затѣмъ онъ ставитъ приведеннаго для жертвы оленя головой на западъ, самъ становится сзади, лицомъ тоже на западъ, и начинаетъ упрашивать о продленіи жизни больнаго, умноженіи семьи, избавленьи отъ болѣзни, послѣ чего производитъ закланье при пылающемъ огнѣ. Затѣмъ онъ возвращается въ чумъ, беретъ свой бубенъ, садится возлѣ больнаго и воспѣваетъ. Первый гимнъ относится къ огню: онъ проситъ его

придти къ нему на помощь, и здѣсь дѣлается видъ будто въ самомъ дѣлѣ кто приходитъ. Второй гимнъ обращенъ къ бывшимъ шаманамъ. Затѣмъ онъ обращается къ тучамъ, къ вѣтру и къ орлу, и ихъ зоветъ къ себѣ; наконецъ — къ мѣсяцу, и тутъ между прочимъ, онъ говоритъ: «Ты имѣешь двѣнадцать ступней, на тринадцатомъ небѣ твое игрище, ты слѣдомъ за солнцемъ ходишь, приди, помоги мнѣ».

При всѣхъ этихъ воззваніяхъ шаманъ не перестаетъ бить въ бубенъ, кривляется, скачетъ, кружится. Наконецъ воззваніе кончено. Мясо оленя съѣдается; голова вѣшается около больнаго, внутренности на дерево, шкура растягивается возлѣ больнаго, а больная часть тѣла смазывается свѣжею кровью и заворачивается шкурой; иногда вмѣсто крови больной смазывается костнымъ мозгомъ жертвеннаго оленя, остатки котораго съѣдаются помощниками-подпѣвальщиками. Во время всего процесса смазыванія шаманъ постоянно покалачиваетъ больное мѣсто той палкой, обтянутой желѣзнымъ листомъ, которой онъ ударяетъ въ бубенъ. Можете себѣ представить, какъ легко себя чувствуетъ больной при подобномъ леченіи, и нечего удивляться, если онъ не смотря на воззванія шамана и его помощниковъ умираетъ отъ усилившихся страданій.

Смерть и страданія больнаго шаманъ, разумѣется, не приписываетъ себѣ, но волѣ разгнѣванныхъ боговъ, и приступаетъ вмѣстѣ съ родными покойнаго къ погребенію. Для этого пріискиваютъ два дерева, одно вблизи другаго; срубаютъ колоду, въ которой выдалбливаютъ мѣсто для покойника. Послѣдняго одѣваютъ въ новое платье и кладутъ въ колоду; а чтобъ онъ не жаловался, что у него отняли его вещи и лишили возможности находить себѣ послѣ смерти пищу, съ нимъ вмѣстѣ кладутъ въ колоду новыя лыжи, лукъ и колчанъ со стрѣлами. Но Тунгузы такъ боятся возвращенія покойниковъ, что кладутъ попорченныя лыжи, чтобы онъ не могъ возвратиться, и лукъ съ перерѣзанной тетивой, чтобы онъ никого не могъ подстрѣлить. Въ концахъ колоды, въ которой лежитъ покойникъ, просверливаютъ дыры и вѣшаютъ ее на верхушки деревьевъ, сучья же деревьевъ обрубаютъ, чтобы покойникъ не могъ спуститься; надъ колодой вѣшаютъ шкуру оленя, мясо котораго употребляютъ на поминки.

Совершивъ такимъ образомъ погребеніе, чумъ покойника,

изъ паническаго страха его возврата, переносится на другое мѣсто.

Не долго остаются Тунгузы на одномъ мѣстѣ, особенно въ лѣтнее время; они считаютъ осѣдлую жизнь сущимъ несчастьемъ для себя и потому, лишь только кормъ для ихъ стадъ уменьшается, они перекочевываютъ въ другое мѣсто, которое впослѣдствіи также оставляютъ, какъ и прежнее. Въ зимнее время они останавливаются дольше на одномъ мѣстѣ и тогда устраиваютъ большой деревянный чумъ изъ бревенъ, уложенныхъ одно на другое и снаружи забросанныхъ для тепла мхомъ и снѣгомъ; землю подъ чумъ выбираютъ крѣпкую, безъ кочекъ и гнили, которая бы не могла горѣть и дымить; внутри чума передъ дверью ставится сошка, на которую положена палка для вѣшанья котла, а подъ нимъ, для приготовленія пищи, разводится огонь.

Устроивъ себѣ такіе чумы, они остаются на одномъ мѣстѣ довольно значительное время, въ продолженіи котораго олени ихъ питаются подснѣжнымъ кормомъ и древеснымъ мхомъ. Но какъ только наступаетъ лѣтнее время — начинаются постоянныя перекочевки.

Переселенія съ мѣста на мѣсто не представляютъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ имущество Тунгузовъ не сложное и переносится легко. Чумы свертываются въ трубку, оружіе, оленьи шкуры, котлы, прячутся въ особенныя сумы изъ оленьей кожи и навьючиваются на оленей, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми.

Хотя имущество и хозяйство ввѣрено женщинамъ, но малютки, при перекочевкѣ, поручены чуть ли не болѣе оленямъ, исполняющимъ, впрочемъ, очень удовлетворительно и заботливо роль пяньки. Ребенокъ виситъ у него на боку въ одной изъ сумъ, и олень, изгибаясь какъ только можетъ, старается не задѣть за дерево тѣмъ бокомъ, на которомъ виситъ ребенокъ; если послѣдній плачетъ въ то время, какъ олень привязанъ къ дереву, онъ начинаетъ бить о землю той ногой, на сторонѣ которой виситъ ребенокъ, чѣмъ покачиваетъ и убаюкиваетъ его; а если Тунгузка привязала къ тому же боку вдѣтыя на ремень разныя косточки, то онѣ при сотрясеніи покалачиваются другъ о друга и развлекаютъ плаксу. Развлекаютъ и убаюкиваютъ малютку иногда и пѣсни Тунгуза.

У Тунгузовъ нѣтъ особенныхъ музыкальныхъ инструментовъ, но они любятъ пѣть, и такъ какъ у нихъ тоже нѣтъ и сочинителей, то каждый пѣвецъ сочиняетъ самъ свою пѣсню. Содержаніе пѣсни очень не замысловатое. Воспѣваетъ пѣвецъ каждый предметъ, бросившійся ему въ глаза, переходя отъ одного предмета къ другому—не заботясь о связи между ними.

Пробирается онъ черезъ тайгу и вотъ, если погода ясная, солнце яркое и самъ пѣвецъ въ веселомъ настроеніи, то и начинаетъ воспѣвать каждый предметъ, который пришелся ему по душѣ: и небо, и солнце, и воду, и кедръ; и слагается его пѣсня, немудреная, не сложная, но видимо доставляющая наслажденіе пѣвцу. Такъ онъ поетъ:

«О небо, небо, небо синее! О солнце, солнце, солнце яркое! О воды, воды быстротечныя»! и такъ далѣе.

Но хорошо еще, если его душевное настроеніе, погода и окружающіе предметы приведутъ къ какому нибудь счастливому сравненію; а то—въ холодную, неясную, вѣтреную погоду, которая наводитъ грусть на Тунгуза, какъ на каждаго человѣка, веселые, пріятные образы не представляются ему, и тогда вся пѣсня тѣмъ и ограничивается:

«О волки, волки, волки сѣрые!»

Однако Тунгузы не долго подчиняются грустному настроенію; они большею часть веселы и шутятъ даже при такихъ работахъ, которыя имъ не по душѣ. А такой работы въ послѣдніе годы приходится на ихъ долю достаточно, потому что звѣроловство, ихъ главное занятіе, не доставляетъ имъ уже той выгоды, какъ прежде. Бывало Тунгузъ обѣгаетъ на лыжахъ сотни верстъ, и принесетъ съ собой сто и полторасто соболей, которые сбываетъ русскимъ промышленникамъ за выгодную для себя цѣну, такъ что и матеріальное положеніе Тунгузовъ было порядочное въ то время. Теперь же имъ пришлось также плохо, какъ и русскимъ звѣроловамъ, особенно тѣмъ Тунгузамъ, которые живутъ на Нижней Тунгузкѣ. Золотопромышленники ворвались въ ихъ завѣтную тайгу и разогнали звѣря. Но этому, чтобы поддержать свое существованіе, они принуждены заниматься такими работами, которыя имъ не понутру. Они стрѣляютъ птицъ и ловятъ рыбу для продажи золотопромышленникамъ; служатъ проводниками въ непроходимыхъ, имъ однимъ извѣст-

ныхъ чащахъ; отыскиваютъ золотоносныя розсыпи, даже косятъ сѣно и рубятъ дрова, въ чемъ оказываются плохими работниками, потому что они имѣютъ, при лѣности и проворствѣ, мало выдержки для такихъ работъ. Притомъ, промышленники пользуются ихъ неопытностью и очень плохо вознаграждаютъ ихъ за эти работы. Между прочимъ, зная страсть Тунгузовъ къ нарядамъ, они платятъ имъ старыми, негодными платьями и разными ничтожными бездѣлушками. Надо видѣть, съ какою гордостью натягиваетъ Тунгузъ на свой національный костюмъ фракъ, надѣваетъ шляпу, галстукъ или жилетъ и, добродушно довольный собой, является въ гости въ русскую избу.

Они очень любятъ приходить въ гости къ русскимъ и берутъ иногда съ собой своихъ женъ, которыя при этомъ надѣваютъ праздничный нарядъ: на ноги надѣваютъ чулки изъ самыхъ тонкихъ оленьихъ шкурокъ шерстью внизъ и узкіе сапоги, тоже изъ оленьей шкуры, но разукрашенные бисеромъ; на голову надѣваютъ вѣнки изъ бѣличьихъ хвостиковъ, нанизанныхъ одинъ къ другому такъ, чтобы составляли кругъ, и круги эти, прикладываясь слоями одинъ къ другому, образуютъ вѣнокъ. Любятъ они тоже приглашать русскихъ на крестины, если имъ случается исполнять этотъ обрядъ.

У Тунгузовъ существуетъ странный обычай давать своимъ дѣтямъ три имени. Первое имъ дается при рожденіи шаманомъ или родителями и соотвѣтствуетъ времени года, или какимъ нибудь обстоятельствамъ, случившимся при рожденіи. Такъ напримѣръ: *Атка* — когда день начинаетъ прибавляться; *Шонкинъ*—время вскрытія рѣкъ и т. п. Второе имя дается тогда, когда человѣкъ подрастетъ и въ немъ обозначатся свойства характера; это имя есть въ тоже время и названіе какого нибудь качества, потому при опросѣ имени рѣдкій отвѣчаетъ самъ за себя, и, выждавъ наименованіе отъ товарища, самъ только переминается на одномъ мѣстѣ и улыбается. Третье имя дается при крещеніи и при немъ Тунгузы любятъ ужъ непремѣнно величаться и по отцѣ, а безъ того очень обижаются.

Приглашая русскихъ на крестины, Тунгузы въ былое время подносили крестному отцу подарки, но теперь они преназойливо сами требуютъ отъ послѣдняго подарка и угощенія, особенно вина, къ которому ихъ пріучили русскіе промышленники.

Вообще Тунгузы, живущіе близъ пріисковъ, сдѣлались корыстолюбивыми, привыкли къ плутовству, попрошайничеству, и нравственными своими качествами, замѣтно отличаются отъ тѣхъ Тунгузовъ, которые живутъ далѣе отъ пріисковъ, въ болѣе глухихъ лѣсахъ. Эти послѣдніе до сихъ поръ не утратили привѣтливости и гостепріимства; въ разговорѣ они тихи и скромны, хотя подъ часъ и вспыльчивы; во всѣхъ поступкахъ ихъ видно много благоразумія и много доброты. Часть каждой добычи они даютъ бѣднякамъ; старцамъ же, которые уже не въ силахъ промышлять, принадлежитъ второй звѣрь каждаго улова.

Въ слѣдующей книжкѣ мы разскажемъ о бытѣ народовъ, живущихъ по сѣверному теченію Енисея—Остякахъ и Самоѣдахъ.

Елена Б.

ЧАСЪ И ГРАДУСЪ.

I.

Мы такъ привыкли въ разговорѣ угадывать мысли тѣхъ, съ кѣмъ говоримъ, что и сами безпрестанно не договариваемъ всего и не нуждаемся, чтобы намъ высказывали все; это и хорошо, потому что и безъ того, не смотря на всѣ сокращенія въ рѣчи, мы не поспѣваемъ выражать словами и десятой доли того, что̀ представляется въ душѣ въ видѣ мыслей.—До какой степени мы привыкли къ подразумѣваніямъ, можете видѣть изъ того, напр., что если кто нибудь спроситъ: «который часъ?»—то слушающимъ и не въ догадъ,—что́ здѣсь опущено? чего недоговорено?—Прежде чѣмъ читать далѣе—подумайте: постарайтесь отвѣтить на этотъ мой послѣдній вопросъ!

Когда кто нибудь спрашиваетъ просто,—«который часъ?» то собственно онъ этимъ выражаетъ: «въ это время пока я говорю *который* теперь *часъ*, нынѣшняго дня, на томъ самомъ мѣстѣ земнаго шара, гдѣ нахожусь, я, спрашивающій?»

Что это дѣйствительно такъ,—вы могли бы сейчасъ убѣдиться, если бы напр., могли распоряжаться, по произволу, дѣйствіемъ электрическаго телеграфа. Если бы напр., когда нибудь, положимъ,—ровно въ полдень, вы, могли бы, на телеграфной станціи, въ С.-Петербургѣ, спросить, по телеграфу, «который часъ?» пославши этотъ вопросъ въ три города—Москву, Берлинъ и Лондонъ, то получили бы въ отвѣтъ: изъ Москвы, «32 минуты перваго», изъ Берлина, «8 минутъ 12-го», а изъ Лондона, «ровно десять часовъ утра». И получивши такія разнорѣчивыя показанія, мы должны будемъ признать, что всѣ они вѣрны, потому что эти города находятся на различныхъ мѣстахъ зем-

наго шара; а на цѣлой-то землѣ, постоянно, находятся единовременно всѣ часы, и всѣ минуты, и всѣ секунды дня и ночи—только на разныхъ мѣстахъ земной поверхности.—Какъ же это дѣлается? и почему оно такъ бываетъ? Надѣюсь, вы будете въ состояніи толково отвѣчать на эти вопросы, когда прочитаете до конца всю эту нашу статью, долженствующую объяснить что называется часомъ? и что такое градусъ? и какая между ними связь?

2.

Слово *часъ* употребляется нерѣдко въ значеніи времени, продолжительность котораго ничѣмъ не опредѣлена, напр., говорятъ: «подъ часъ бываемъ веселы, а подъ часъ и грустны».—Очевидно, что тоже слово «часъ» употребляется въ иномъ, въ совершенно опредѣленномъ значеніи, когда говорятъ напр., «скоро будетъ одинадцать часовъ», или «пѣшкомъ проходятъ *въ часъ* по четыре версты, проѣзжаютъ на почтовыхъ по десяти, на пароходѣ по двадцати и по желѣзной дорогѣ по пятидесяти верстъ». Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ словомъ часъ называется опредѣленная продолжительность времени, именно: одна двадцать четвертая часть сутокъ.

Почему дѣлятъ сутки на двадцать четыре часа не болѣе и не менѣе?—Отвѣтъ, на этотъ вопросъ, каждый можетъ увидѣть у себя на рукахъ. Посмотрите: каждый палецъ, кромѣ большаго, состоитъ изъ трехъ суставовъ; считайте большимъ пальцомъ всѣ суставы на всѣхъ пальцахъ той же руки,—насчитаете—на четырехъ пальцахъ по три состава на каждомъ, всего двѣнадцать, что́ называется дюжина. Вотъ потому-то кто считаетъ по пальцамъ тому очень удобно считать дюжинами. У человѣка двѣ руки—правая и лѣвая; на каждой, указывая большимъ пальцомъ, насчитаете по двѣнадцати суставовъ; а всего двадцать четыре.

Какъ у человѣка двѣ руки, такъ и въ суткахъ двѣ половины—день и ночь; вотъ почему и въ суткахъ рѣшено считать двѣ дюжины часовъ:—одну для ночи, другую для дня. Такъ очень долго и считали,—даже, еще во времена Іисуса Христа почему и написано, что Іисусъ Христосъ былъ распятъ въ девятый часъ; но этотъ девятый часъ не былъ ни девятымъ утра,

измѣрить длину каждаго меридіана, когда ни по одному изъ нихъ вполнѣ еще не могъ ни пройти ни проѣхать никто изъ смертныхъ? Надѣюсь, вы сейчасъ убѣдитесь, что измѣреніе тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно, только необходимо напередъ намъ согласиться еще въ нѣкоторыхъ истинахъ и между прочимъ во первыхъ узнать что́ называется *градусомъ широты*?

Вы уже слыхали слово «градусъ» въ его различныхъ значеніяхъ, напр. «хлѣбное вино должно быть въ сорокъ градусовъ крѣпости»; или: «сегодня сильный морозъ: двадцать пять градусовъ!» или еще: «сегодня очень жарко: въ тѣни двадцать пять градусовъ!» А вотъ еще я теперь заговорилъ вамъ о градусахъ широты! Что-жъ это такое—*градусъ*?

Слово «градусъ» (gradus) латинское и значитъ тоже, что по русски слово «степень». Замѣните латинское слово русскимъ и вамъ станетъ понятно, что и вино и морозъ и зной могутъ быть различныхъ степеней крѣпости или силы; такъ въ приведенныхъ примѣрахъ: сорокоградусное хлѣбное вино значитъ такое, въ которомъ на сорокъ частей спирта приходится шестьдесятъ частей воды; двадцать пять градусовъ мороза значитъ: такой морозъ, отъ котораго ртуть въ термометрѣ (т. е. тепломѣрѣ) опускается на 25 дѣленій ниже нуля; 25 градусовъ зноя—значитъ такая жара, отъ которой ртуть въ тепломѣрѣ (термометрѣ) подымается на 25 степеней выше нуля. Нуль въ нашихъ тепломѣрахъ ставится на той высотѣ стекляной трубочки, на которой находится въ ней ртуть въ то время, когда ни ледъ не таетъ, ни вода не мерзнетъ; какъ только вода начинаетъ замерзать—ртуть въ тепломѣрѣ опускается ниже нуля и чѣмъ сильнѣе жметъ морозъ, тѣмъ короче становится столбикъ ртути въ тепломѣрѣ; на оборотъ—какъ только снѣгъ и ледъ начинаютъ таять,—ртуть въ тепломѣрѣ, разширяясь, подымается выше нуля и чѣмъ жарче—тѣмъ выше. Замѣчаютъ еще ту точку, на которой стоитъ ртуть въ тепломѣрѣ, когда онъ погруженъ въ кипятокъ и остается въ чистой кипящей водѣ. Пространство между точками замерзанія, или таянія съ одной стороны, а кипѣнія воды съ другой, французъ Реомюръ раздѣлилъ на 80 частей, которыя называются градусами. Тоже самое пространство шведъ Цельсіусъ раздѣлилъ на 100 частей. Тепломѣры, употребляемые въ Россіи придерживаются обыкновенно

реомюрова дѣленія; ученые же люди въ цѣломъ свѣтѣ охотнѣе пользуются стоградуснымъ термометромъ, потому что число 100 и круглѣе и дѣлимѣе, нежели 80. Пять градусовъ стоградуснаго термометра соотвѣтствуютъ четыремъ восьмидесятиградуснаго.

Теперь вы понимаете что̀ называется и градусомъ винной крѣпости и градусомъ теплоты; но еще не понимаете что̀ называется градусомъ широты, или полнѣе: «градусомъ географической широты?» Объяснимъ и это!

Возьмите циркуль и проведите какой нибудь кругъ; потомъ не сдвигая вмѣстѣ и не раздвигая его ножемъ, мѣряйте тѣмъже циркулемъ окружность круга,—замѣтите, что циркуль произведетъ на этой окружности какъ разъ шесть точекъ т. е. раздѣлитъ ее на шесть равныхъ частей; сколько бы вы потомъ ни продолжали переставлять ножки циркуля по окружности вашего круга, все онѣ будутъ попадать въ тѣ же самыя точки, какъ и въ первый разъ. Соедините прямыми чертами всѣ точки, сдѣланныя ножками вашего циркуля, прямыми линіями отъ одной точки на окружности до другой и отъ каждой изъ этихъ точекъ до центра,—и вы получите вписанный въ кругѣ правильный шестиугольникъ, состоящій изъ шести равносторонникъ треугольниковъ.

Эти свойства круга были замѣчены умными людьми уже въ самой глубокой древности и привели къ тому дѣленію всякаго круга на 360 частей, называемыхъ «градусами круга», которое оказывается самымъ удобнымъ и во многихъ отношеніяхъ, потому что число 360 замѣчательно своею дѣлимостью: оно дѣлится безъ остатка на 2, на 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 15, 18, 20, 24. 30, 36, 40, 60, 90, 120 и 180; въ дѣлимости нѣтъ ему равнаго. Но разумѣется, это свойство его было замѣчено позднѣе. а первоначальнымъ поводомъ къ рѣшенію дѣлить окружность всякаго круга именно на триста шестьдесятъ градусовъ былъ счетъ по пальцамъ: замѣтивъ что окружность легко дѣлится на шесть равныхъ частей, раздѣлили потомъ каждую изъ этихъ частей на шестьдесятъ—на такомъ-же основаніи, какъ и часъ дѣлится на шестьдесятъ минутъ; а $6 \times 60 = 360$.

Меридіанъ окружаетъ землю, значитъ — это кругъ и каждая $^1/_{360}$ часть его — градусъ; вотъ этотъ-то градусъ и на-

зывается градусомъ широты, или градусомъ географической широты.

По точнымъ измѣреніямъ на многихъ мѣстахъ земнаго шара оказалось, что градусы широты не всѣ равны между собою: самый малый изъ нихъ простирается только на сто три версты и триста семь саженей; самый большой—на сто четыре версты и триста пятьдесятъ саженей; средняя длина градуса географической широты—сто четыре версты, восемьдесятъ саженей; если эту длину средняго градуса широты помножить на 360, то и получится круглымъ числомъ 37,496 верстъ: это средняя длина полнаго круга меридіана, мѣряя по земной поверхности.

Тутъ естественно представляется вопросъ: если градусомъ круга называется одна триста шестидесятая часть окружности, то почему же эти части не равны между собою на окружности земнаго шара, на земномъ меридіанѣ?

А это происходитъ отъ того, что наша земля—не совершенный шаръ, что она у полюсовъ своихъ сплюснута, а подъ экваторомъ немножко вздута.

На многихъ мѣстахъ земнаго шара—и у насъ въ Россіи и въ другихъ государствахъ Европы и Америки, а также и въ Азіи были въ теченіе многихъ лѣтъ, съ большимъ стараніемъ и съ большими издержками, произведены (и теперь еще производятся) измѣренія частей меридіана. Изъ всѣхъ этихъ измѣреній выведено, вычислено съ большою точностью: на сколько именно земный шаръ у полюсовъ сплюснутъ. А именно на столько, что каждый меридіанъ оказывается на шестьдесятъ пять верстъ короче *экватора*, т. е. той линіи на земной поверхности, которая пересѣкаетъ всѣ меридіаны какъ разъ посерединѣ между обоими полюсами сѣвернымъ и южнымъ (посмотрите на глобусѣ!) На землѣ экваторъ соединяетъ всѣ мѣста, гдѣ постоянно день равенъ ночи; тамъ каждую ночь можно замѣтить, что находитесь на земномъ экваторѣ: только съ экватора видны обѣ *полярныя звѣзды* (что это за звѣзды? вы сейчасъ узнаете); если только сойдете съ экватора къ югу—перестанетъ быть видною наша сѣверная полярная; а сойдете съ экватора къ сѣверу—перестанетъ быть видною южная полярная. Измѣряли во многихъ мѣстахъ и длину градуса по экватору, а также и по другимъ кругамъ на земномъ шарѣ, и изъ всѣхъ этихъ

измѣреній вывели съ большою точностію настоящую форму земнаго шара. Начертивши по этой формѣ какой нибудь меридіанъ, оставалось только: обвести этотъ меридіанъ правильнымъ кругомъ, раздѣлить этотъ кругъ на 360 градусовъ, отъ каждой точки дѣленія провести прямыя черты въ середину (центръ) круга и наконецъ—*на чертежѣ* сравнивать части меридіана дѣйствительнаго съ противулежащими имъ частями совершенно круглаго меридіана; когда это сравненіе оказалось вѣрнымъ и согласнымъ съ измѣреніями по самой землѣ на нѣсколькихъ десяткахъ градусовъ, то мы можемъ быть увѣрены, что нашъ чертежъ вѣренъ и относительно цѣлаго меридіана. Вотъ такимъ-то образомъ и былъ окончательно измѣренъ меридіанъ во всей своей длинѣ.

Въ томъ видѣ какъ земный шаръ обыкновенно изображается на бумагѣ невозможно выразить такихъ мелкихъ разностей, какія находятся между градусомъ меридіана, принимаемаго за правильный кругъ и тѣмъ-же градусомъ дѣйствительно на земной поверхности; а потому и для того, чтобы опредѣлить свое мѣсто на землѣ (о чемъ мы еще поговоримъ съ вами впослѣдствіи) довольствуются градусами правильнаго круга тѣхъ снарядовъ, которыми пользуются для опредѣленія градусовъ географической широты. Когда говорится, напр. что городъ С.-Петербургъ находится подъ шестидесятымъ градусомъ сѣверной географической широты, то этимъ выражается собственно не то—на сколько верстъ, а именно на сколько градусовъ отстоитъ Петербургъ съ одной стороны отъ полюса, съ другой отъ экватора. Градусы же эти мѣряются не по землѣ, а въ небѣ, при помощи мѣднаго кружка, раздѣленнаго на 360 равныхъ частей.

Для этого необходимъ особенный снарядъ или инструментъ. Такіе инструменты бываютъ различнаго устройства и потому находятся въ продажѣ подъ различными наименованіями. Самый простѣйшій видъ такого снаряда описанъ въ моей же статьѣ подъ именемъ «Астролябія». Лучше всего, если-бы вы могли хорошенько, разсмотрѣть эту *астролябію*, которую не особенно трудно и самимъ сдѣлать въ вашемъ городѣ, или деревнѣ, а еще проще—за небольшія деньги купить для училища изъ С.-Пе-

тербурга *). Зная астролябію, вамъ не трудно будетъ понять и помнить что́ называется: *горизонтомъ*, *зенитомъ*, *полюсомъ*. А послѣ того вамъ будетъ и понятно и занимательно дочитать эту статью до конца.

Для опредѣленія географической широты измѣряется именно—отстояніе отъ зенита (или отъ горизонта) той звѣзды, которая называется *полярною*. А эту звѣзду, хоть она и изъ небольшихъ, однако не трудно отличить между другими, если только доставить себѣ удовольствіе попаблюдать звѣздное небо въ теченіе какого нибудь времени—хоть съ часокъ: замѣтите, что всѣ звѣзды кружатся, однѣ подымаются, другія опускаются, одна только остается неподвижно на своемъ мѣстѣ, вотъ она-то и полярная! **)

Чтобы опредѣлить географическую широту какого нибудь мѣста—должно поставить астролябію такъ, чтобы ея прогляды

---

*) Складъ при магазинѣ *русской книжной торговли* (Невскій проспектъ домъ Армянской церкви).

**) Чтобы съ перваго взгляда на небо знать въ какой сторонѣ его отыскивать полярную звѣзду надо обратить вниманіе на тѣ 7 яркихъ звѣздъ, которыя расположены такъ, какъ представлено здѣсь на рис. 1. Эти звѣзды занимаютъ постоянныя мѣста одна относительно другой; они составляютъ то, что называется одно созвѣздіе. Это созвѣздіе: *Большая медвѣдица*. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ звѣздъ, которыя въ Россіи могутъ быть видны и зимою и лѣтомъ, и за то называются *стожарами*. Между стожарами, по прямому направленію черезъ звѣзды *f* и *d* Большой медвѣдицы въ ту сторону, гдѣ видна будто *санная дорога* по небу, называемая *млечнымъ путемъ*, находится одна—въ созвѣздіи *Малой медвѣдицы*, около которой видимо вращаются всѣ другія звѣзды; вотъ это и есть наша *полярная—сѣверная полярная звѣзда*. Умѣть отличать ее очень нужно, да оно и не трудно. Ред.

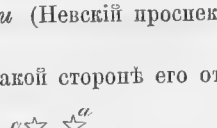


Рис. 1.

Рис. 2.

были наведены какъ разъ на полярную; тогда нитка отвѣса пройдетъ черезъ градусъ, указывающій и на высоту полярной звѣзды и на географическую широту мѣста. На сколько градусовъ полярная звѣзда отъ зенита—на столько ваше мѣсто удалено отъ земнаго полюса; дополненіе къ этому числу до девяноста составитъ именно въ градусахъ широты—опредѣленіе того разстоянія, въ какомъ вы находитесь отъ экватора,—а такое-то-разстояніе и называется географическою широтою. Почему же именно до девяноста? Это потому что четверть круга—90 градусовъ; а отъ зенита до *кругозора*, или *горизонта* всегда и вездѣ — ровно четверть круга; слѣдовательно — сказать: этотъ предметъ находится на высотѣ 90 градусовъ, значитъ все равно, что въ зенитѣ, а нуль градусовъ—значитъ въ одномъ уровнѣ съ нами, стоящими на землѣ, или на кораблѣ и т. д. Петербургъ лежитъ подъ шестидесятымъ градусомъ сѣверной широты—значитъ: зенитъ Петербурга отстоитъ на тридцать градусовъ широты отъ сѣвернаго полюса, и слѣдовательно этотъ полюсъ возвышается на Петербургскомъ небѣ на шестьдесятъ градусовъ надъ уровнемъ нашего кругозора; это и называется: «С.-Петербургъ лежитъ подъ шестидесятымъ градусомъ сѣверной географической широты».

Если вы, мой читатель, находитесь не въ Петербургѣ, то знаете-ли вы подъ какою географическою широтою вы находитесь? Если не знаете, то допросите, а если у васъ есть наша астролябія—измѣряйте сами, да знайте и помните!

4.

Вы теперь уже знаете и градусы крѣпости вина и градусы тепла или холода и градусы географической широты; но всѣ эти градусы не находятся въ прямой связи со временемъ, съ часами, а въ такой связи находятся градусы географической *долготы*. Что-жъ это за долгота такая? Очевидно это не длина: когда говорятъ: «мы долго ждали, мы долго занимались «и т. п., то во всѣхъ этихъ выраженіяхъ словомъ «долго» означается продолжительность времени. Точно также и «градусъ долготы» означаетъ часть суточнаго времени, именно $^1/_{360}$-ую часть сутокъ, слѣдовательно—ровно четыре минуты времени.

Если по земной поверхности ѣхать, или идти все прямо съ

сѣвера на югъ, или съ юга на сѣверъ, то высота полярной звѣзды будетъ постоянно измѣняться; но время полудня, вообще суточное время остается неизмѣннымъ: одинъ и тотъ-же часъ, и минута, и секунда времени бываетъ всегда вдругъ на всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ подъ однимъ и тѣмъ-же меридіаномъ, но такъ, что когда на одной половинѣ меридіана полдень, то на другой полночь, вообще тѣже часы и минуты—только на одной сторонѣ ночные, на другой дневные, или на одной утренніе, на другой вечерніе.

Если же объѣзжать землю все въ прямомъ направленіи съ востока на западъ, или съ запада на востокъ, то географическая широта остается постоянно все таже, но безпрестанно перемѣняется географическая долгота и притомъ такъ, что если ѣхать по солнцу—съ востока на западъ, то каждыя сутки для ѣдущаго длятся на столько времени долѣе, на сколько градусовъ долготы онъ подвигается на западъ. Для того, кто ѣдетъ на оборотъ—съ запада на востокъ, каждыя сутки длятся на столько времени менѣе, на сколько градусовъ долготы онъ подвигается въ теченіе сутокъ на востокъ.

Теперь слѣдите внимательно за указаніями на глобусѣ!

Если бы два корабля вышли, напр. изъ Лиссабона, и объѣхавши всю землю кругомъ—одинъ сначала вокругъ Африки, мимо Азіи, Океаніи и Америки, т. е. все съ запада на востокъ и отъ береговъ Америки воротился бы домой въ то-же самое время, какъ и другой корабль, который вышедши изъ Лиссабона направился мимо Америки, Океаніи, Азіи и Африки; то на одномъ кораблѣ—по счету дней на немъ, говорили бы: «сегодня вторникъ», на другомъ, по такому-же счету, говорили бы: «сегодня четвергъ»; а въ Лиссабонѣ сказали бы имъ: «нѣтъ, сегодня середа». Подумайте и скажите сами: на которомъ изъ этихъ двухъ кораблей говорили бы въ середу, что тогда вторникъ и на которомъ, что тогда четвергъ?

Теперь я не стану объяснять вамъ какими средствами пользуются, чтобы съ точностію опредѣлить географическую долготу какого угодномѣста: для такого объясненія посвятимъ особо одну изъ будущихъ нашихъ бесѣдъ: теперь же для начала достаточно, если вы поймете, что географическою долготою называется разница во времени когда бываетъ полдень на данныхъ мѣстахъ.

Посмотрите на глобусъ: на немъ всѣ меридіаны одинаковой длины, какъ и въ природѣ; а тѣ круги, изъ которыхъ каждымъ пересѣкаются всѣ меридіаны—весьма различны. Этими кругами соединены всѣ мѣста, имѣющія одинаковую географическую широту. Изъ нихъ самый большой, называемый экваторомъ, или равноденственнымъ, отстоитъ равно отъ обоихъ полюсовъ, которые оба тамъ и видны у самого горизонта. Этотъ самый большой кругъ на землѣ простирается почти на 37,562 версты, такъ что на немъ каждый градусъ долготы длиною сто четыре версты съ третью. Въ широтѣ Петербурга каждый градусъ долготы длиною пятьдесятъ двѣ версты и 150 саженей, можно сказать ровно вдвое короче нежели подъ экваторомъ; а весь этотъ *паралельный кругъ* длиною въ 18,828 съ половиною верстъ. Что такое паралельный кругъ? Паралельными линіями называются такія, которыя вездѣ—въ прямомъ направленіи отстоятъ одна отъ другой равно далеко. Если изъ одной точки на различныхъ отъ нея разстояніяхъ провести нѣсколько круговъ, то всѣ эти круги будутъ между собою паралельны. Если по земной поверхности ѣхать все прямо на востокъ, или на западъ, то полярная звѣзда будетъ всегда казаться на одинаковой высотѣ надъ горизонтомъ, въ одинаковомъ удаленіи отъ зенита; слѣдовательно: каждымъ паралельнымъ кругомъ на земной поверхности соединены всѣ тѣ мѣста, которыя имѣютъ одну и ту-же географическую широту. Чѣмъ ближе паралельный кругъ къ экватору—тѣмъ онъ больше; и на оборотъ—чѣмъ онъ ближе къ полюсу—тѣмъ онъ менѣе, а слѣдовательно и градусы на немъ тѣмъ короче.

И на экваторѣ и на каждомъ паралельномъ кругѣ, находится 360 градусовъ долготы и на каждомъ градусѣ четыре минуты суточнаго времени. Очевидно, что такимъ образомъ всегда находятся на земномъ шарѣ всѣ часы, минуты и т. д. отъ первой до послѣдней въ одно и тоже время, только на разныхъ мѣстахъ—на каждомъ меридіанѣ—свое время.

До сихъ поръ обыкновенно дѣлали часы такъ, чтобы они показывали время на одномъ какомъ нибудь мѣстѣ. Въ этой книжкѣ въ моей же статьѣ описываются такіе часы, которые будутъ показывать время разомъ на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара—на какомъ угодно. Эта способность часамъ доставляется

довольно легко, и такіе часы будутъ стоить едва-ли дороже нынѣшнихъ обыкновенныхъ, а между тѣмъ во многихъ случаяхъ и полезно, и пріятно видѣть который часъ не только тамъ гдѣ мы сами находимся, но и на всякомъ другомъ, на любомъ мѣстѣ на землѣ.

Въ каждомъ училищѣ есть стѣнные часы; каждымъ такимъ часамъ очень можно придать способность указывать время разомъ на всей поверхности земнаго шара; для этого нужно только сдѣлать слѣдующее: а) на циферблатѣ обозначить дѣленіе каждаго часа на четыре четверти, т. е. всей окружности на 48 частей; эти дѣленія надо обозначать на кругѣ внутри тѣхъ цифръ, которыми обозначены часы I-й, II-й и т. д.; б) на часовую (не на минутную, а на часовую) стрѣлку налѣпить бумажный кружокъ, раздѣленный на 180 равныхъ частей. На этомъ кружкѣ могутъ быть обозначены нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ на землѣ; а то мѣсто, гдѣ вы сами находитесь прійдется какъ разъ на самой часовой стрѣлкѣ. Если приклеите бумагу не *подъ* стрѣлку, а *на* стрѣлку, то эту стрѣлку можно нарисовать на бумагѣ такъ, чтобы рисунокъ сходился какъ разъ съ концомъ стрѣлки, который долженъ во всякомъ случаѣ торчать внѣ кружка. Необходимо, чтобы дѣленія на циферблатѣ часовъ были какъ можно ближе къ дѣленіямъ на окружности того бумажнаго кружка, который приклѣпленъ къ часовой стрѣлкѣ и вращается вмѣстѣ съ нею. Кто внимательно прочитаетъ статью о *Временникѣ*, или *Хроноскопѣ*, тотъ будетъ въ состояніи научить каждого—какъ пользоваться такими часами, какъ эти теперь описанные — для того, чтобы знать время не на одномъ только мѣстѣ, а гдѣ угодно.

5.

Теперь еще намъ остается разрѣшить одинъ вопросъ, относительно времени. Отъ чего у насъ и на всей землѣ бываютъ сутки т. е.—день и ночь? Вы скажете: мы знаемъ! не отъ того: какъ думали въ старину, или какъ еще и теперь думаютъ невѣжественные люди—будто солнце каждый день обходитъ землю, а только отъ того, что земля сама кружится въ направленіи отъ запада къ востоку, вертится и потому освѣщается солнцемъ постепенно въ направленіи отъ востока къ западу.

Это совершенно такъ и вы это можете кому угодно объяснить легко и скоро: для этого назовите его солнцемъ, а себя землею и, стоя передъ нимъ, повернитесь кругомъ: онъ увидитъ васъ въ лицо, съ боку, сзади, съ другаго боку и наконецъ опять въ лицо. Тоже самое бываетъ и съ нашею землею и съ каждою планетою: земля вертится и поочередно подставляетъ солнцу то одну изъ своихъ сторонъ, то другую.

Такое объясненіе и убѣдительно и вѣрно: ему недостаетъ лишь одного: точной опредѣлительности — какъ долго длятся сутки? Вы скажете: каждый знаетъ, что 24 часа. Такъ; но сколько времени земля обращается на своей оси? кто скажетъ что въ 24 часа, тотъ выразится не довольно точно: ошибется почти на четыре минуты, или точнѣе—почти на 3 минуты 56 секундъ времени!

Считая время только по солнцу—такъ и выходитъ, что сутки длятся ровно 24 часа; но если вмѣсто солнца мы станемъ наблюдать какую угодно изъ тѣхъ звѣздъ, которыхъ простыми глазами видны тысячи, а при помощи зрительныхъ трубъ милліоны, то всѣ эти звѣзды согласно показываютъ, что оборотъ земли совершается не въ 24 часа, а почти въ 23 часа 56 минутъ и 4 секунды, т. е. каждыя сутки наши длятся 3 минуты и 56 секундъ долѣе того времени, какое земля употребляетъ на свой полный оборотъ кругомъ самой себя, что называется оборотомъ на оси, т. е. на оси вращенія—на мысленной линіи, проходящей черезъ центръ земли и черезъ оба ея полюса.

Почему же это солнечные сутки длятся долѣе такъ называемыхъ *звѣздныхъ*? отчего звѣздный часъ короче солнечнаго? Въ отвѣтъ на это я вамъ предложу сначала одну игру, которая васъ и позабавитъ и научитъ. Какъ называется эта игра? *планетникъ*. Какъ же играютъ въ планетникъ? а вотъ какъ! Въ ней могутъ участвовать многіе—всѣ разомъ; но чтобы узнать игру — нужны сначала только двое—одинъ Солнце, а другой Земля, или какая хотите другая планета—все равно хоть Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и т. д. назовите какъ хотите!

Господинъ или госпожа Солнце, извольте оставаться на своемъ мѣстѣ по серединѣ круга; можете вертѣться, или не вертѣться—какъ хотите, а только не сходите ни шагу съ того

мѣста, которое избрано для васъ (и пожалуй чѣмъ нибудь замѣчено на полу или на землѣ).

Госпожа Венера, или господинъ Юпитеръ, пожалуйте сюда, станьте передъ вашимъ Солнцемъ! Вамъ прійдется ходить, или бѣгать кругомъ этого Солнца—вотъ по этому кругу. Замѣтьте себѣ какой хотите предметъ внѣ этого круга—это будетъ ваша звѣзда. Больше походило бы на дѣйствительность, если-бъ этою вашею звѣздою былъ какой нибудь очень отдаленный предметъ; но можно и такъ, чтобы звѣздами считались всѣ ваши подруги, или всѣ ваши товарищи, находящіеся *внѣ* того круга, по которому вы будете вращаться около вашего Солнца. Замѣтьте себѣ между этими вашими Звѣздами какую хотите одну и начинайте обходить кругомъ вашего Солнца, но обходить не просто, а въ то-же время вертясь, какъ бы вальсируя. Сдѣлайте такимъ образомъ два круга, считая свои повороты при обходѣ каждаго круга отдѣльно; но считайте свои обороты въ оба раза не одинаково, а такъ: сначала называйте своимъ оборотомъ каждый разъ, когда вы лицомъ будете прямо противъ вашего Солнца; а при вторичномъ обходѣ называйте своимъ оборотомъ каждый разъ, когда вы будете лицомъ противъ вашей Звѣзды. Пусть и Солнце и всѣ звѣзды считаютъ ваши обороты! Въ первый разъ вы насчитаете столько же какъ и Солнце, а во второй разъ столько же какъ и звѣзда, какъ всякая звѣзда. По солнечному счету всегда будетъ однимъ разомъ менѣе, нежели по звѣздному и это потому, что полный оборотъ относительно къ Солнцу, вокругъ котораго мы движемся, всегда нѣсколько болѣе нашего дѣйствительнаго оборота и сумма всѣхъ этихъ излишковъ, помноженная на число оборотовъ во время полнаго обхода составляетъ всегда одинъ оборотъ.

Точно тоже самое бываетъ и въ природѣ. Земля въ теченіе года, обходя однажды кругомъ солнца, поворачивается кругомъ своей оси триста шестьдесятъ шесть разъ съ четвертью, и потому нашъ земный годъ состоитъ изъ $365^1/_4$ сутокъ солнечныхъ, или изъ $366^1/_4$ сутокъ звѣздныхъ, или сидерическихъ.

Величайшая изъ планетъ нашей солнечной системы Юпитеръ употребляетъ на свой обходъ вокругъ солнца земныхъ одинадцать лѣтъ и триста пятнадцать дней. Планета Юпитеръ поворачивается на своей оси въ теченіе девяти часовъ, 55-ти ми-

нутъ и 27 секундъ времени; слѣдовательно—въ теченіе своего года она оборачивается кругомъ своей оси 10.478 разъ слишкомъ, а передъ солнцемъ однимъ разомъ менѣе; значитъ когда на Юпитерѣ будутъ люди (а они тамъ въ свое время будутъ, хотя еще теперь это время и не настало) *), то они въ своемъ солнечномъ годѣ будутъ считать съ небольшимъ 10,477 своихъ дней, или своихъ юпитерскихъ сутокъ.

Теперь пусть у нашего Солнца въ игрѣ явится нѣсколько Планетъ, изъ которыхъ однѣ будутъ обходить около него по меньшимъ кругамъ, а другія по большимъ. Раздѣлимъ и всѣхъ Звѣздъ по Планетамъ—на каждую Планету по нѣскольку Звѣздъ. Планеты кружитесь и обращайтесь кругомъ вашего Солнца, считая свои обороты по Солнцу; а Звѣзды считайте каждая обороты своей Планеты въ отношеніи къ ея Звѣздамъ. Когда всѣ круги окончены,—всѣ стой! объявляйте сколько насчитали! Всѣ Планеты считали свои обороты по Солнцу; всѣ Звѣзды считали каждая обороты своей Планеты, каждая относительно къ себѣ самой неподвижной Звѣздѣ. Которая изъ Звѣздъ ошибется въ счетѣ—идетъ смѣнить свою Планету, возвращающуюся тогда на мѣсто въ число неподвижныхъ Звѣздъ. Если же ни одна Звѣзда не ошиблась, или ошиблась сама Планета, то та-же самая Планета должна еще разъ кружась обходить, или обѣгать Солнце. Когда счетъ вѣренъ, тогда число солнечныхъ оборотовъ должно быть всегда однимъ менѣе, нежели звѣздныхъ. Если при трехъ оборотахъ не ошибется ни Планета, ни одна изъ Звѣздъ, тогда все таки Планета можетъ сѣсть, или стать на свое мѣсто и замѣняется одною изъ бывшихъ ея постоянныхъ Звѣздъ.

Въ нашей солнечной системѣ извѣстно уже до сотни планетъ, изъ которыхъ простыми глазами видимы только шесть, кромѣ самой нашей земли; а звѣздъ такъ называемыхъ неподвижныхъ находятся милліоны, хотя простыми глазами видно ихъ около пяти тысячъ. Эти числа показываютъ, что играющихъ всегда можетъ быть сколько угодно, какъ Планетъ, такъ и Звѣздъ; устроивайтесь только такъ, чтобъ вамъ самимъ было удобно.

---

*) Со временемъ быть можетъ разскажу вамъ и то — какъ это намъ заподлинно извѣстно.

Дѣлаютъ иногда—для астрономическихъ обсерваторій *) и такіе часы, которые показываютъ *звѣздное время*, т. е. сутки въ 23 часа, 56 минутъ, 4 секунды съ небольшимъ. Обыкновенно же часы дѣлаются по *среднему* солнечному времени, называемому гражданскимъ; эти гражданскія сутки состоятъ изъ 24 часовъ, всѣ одинаковой продолжительности. *Солнечные* сутки не очень-то согласны и съ этими часовыми, или гражданскими сутками, а бываютъ то короче ихъ, то длиннѣе; эти разности, скопляясь становятся очень замѣтными и показываются въ календаряхъ подъ заголовкомъ: «среднее время въ истинный полдень». Изъ этихъ показаній и видно на сколько минутъ и секундъ можетъ простираться разница между временами среднимъ и истиннымъ, или солнечнымъ.

Разница эта происходитъ отъ того, что хотя земля кругомъ оси своей вращается всегда однообразно, какъ стрѣлка самыхъ вѣрныхъ часовъ называемыхъ *хронометромъ*, но вокругъ солнца летитъ она то скорѣе, то медленнѣе—всего скорѣе въ декабрѣ, всего медленнѣе въ іюнѣ. Отъ чего это бываетъ такъ? и въ какой мѣрѣ? Отвѣтъ на это отложимъ до другого разу: теперь и этого довольно, если только вы все хорошо поняли и запомнили.

Ст. Барановскій.

---

*) Астрономическая обсерваторія (т. е. звѣздосчетная наблюдальня) значитъ: такое зданіе, въ которомъ находятся разныя машины и инструменты, при помощи которыхъ удобно наблюдать всѣ явленія на видимомъ небѣ.

БАБОЧКА.

(Къ этому слѣдуетъ хромолитографированная картина).

На большомъ капустномъ листѣ сидѣла хорошенькая бѣлая бабочка. Она только что прилетѣла и въ изнеможеніи спустилась на листъ возлѣ крошечныхъ желтыхъ яичекъ. Повидимому, она чувствовала себя не хорошо: слабо и съ усиліемъ двигала крылышками и тревожно поглядывала вокругъ себя и на яички. Наконецъ она взглянула на скромнаго зеленаго червячка, который неловко ползалъ на томъ же листѣ, отгрызая по временамъ то тамъ, то сямъ кусочекъ капусты; она съ безпокойствомъ слѣдила нѣкоторое время за его движеніями и наконецъ заговорила:

Прошу тебя, выслушай меня. Я нездорова, слаба и чувствую, что скоро умру; а если я умру, то кто-же будетъ кормить и ласкать моихъ бѣдныхъ малютокъ? Видишь-ли, они въ этихъ маленькихъ яичкахъ, и я не знаю, когда они изъ нихъ вылупятся. Добрый, милый, зеленый червячекъ, исполни просьбу умирающей матери: позаботься о моихъ маленькихъ бабочкахъ. Корми ихъ цвѣточнымъ медомъ и самыми свѣжими каплями росы; ты, конечно, не долженъ давать имъ свою грубую пищу: вѣдь ты самъ знаешь, что капуста—пища не для бабочекъ. Не позволяй имъ также летать слишкомъ далеко. Какъ жаль, что ты самъ не умѣешь летать. Но что же мнѣ дѣлать? Теперь уже поздно искать другую няню. Какъ могла я положить мои яички на капустный листъ! Развѣ это мѣсто для молодыхъ бабочекъ?... Но ты будешь ласковъ съ бѣдными малютками, не правда-ли? Ахъ! какъ моя бѣдная голова слаба! червячекъ... на счетъ пищи... не забудь....

Сказавъ это, бабочка сложила крылышки и упала съ листа на землю; а гусеница, — такъ звали зеленаго червячка,—которая не успѣла отвѣтить бѣдной матери ни *да*, ни *нѣтъ*, осталась одна возлѣ яичекъ.

«Нечего сказать, хорошую няню наняла себѣ эта госпожа, сказала гусеница. А для меня сколько хлопотъ! Ужь вѣрно она не была въ своемъ разсудкѣ, если просила меня, бѣдное, ползающее существо заботиться о такихъ нѣжныхъ малюткахъ. Развѣ онѣ будутъ меня слушаться, когда узнаютъ, что у нихъ на спинѣ крылышки и что онѣ могутъ улетать отъ меня, когда имъ вздумается? Ахъ! какіе глупцы бываютъ на свѣтѣ, не смотря на ихъ красивыя платья и осыпанныя серебромъ крылья!»

Но бѣдная бабочка умерла; ея яички оставались на капустномъ листѣ, и гусеница, у которой было доброе сердце, рѣшилась поступать такъ хорошо, какъ только можетъ. Всю ночь она не могла глазъ закрыть, такъ она безпокоилась! Всю ночь она ползала вокругъ своихъ маленькихъ питомцевъ, боясь, чтобы съ ними не случилось какого-нибудь несчастія; у нея даже заболѣли всѣ 14 лапокъ. Когда настало утро, она сказала: «Умъ хорошо, а два лучше; посовѣтуюсь-ка я съ какимъ нибудь умнымъ животнымъ. Что можетъ знать бѣдное, ползающее существо, какъ я, если оно не совѣтуется съ тѣми, кто выше его.»

Но не такъ-то легко найти умнаго совѣтника; — къ кому обратиться? Правда, въ садъ приходила иногда собака, но она такая грубая! Можно напередъ сказать, что еслибы ее позвать, то она однимъ взмахомъ хвоста сбила бы яички съ листа. Приходилъ еще кое-когда толстый котъ, чтобы растянуться на солнцѣ и погрѣть свою мягкую шерстку; но онъ такой себялюбивый, такой равнодушный! Нельзя надѣяться, что онъ дастъ себѣ трудъ хотя одну минуту подумать объ яичкахъ бабочки.

«Я хотѣла бы знать, кто изъ всѣхъ животныхъ, которыхъ я знаю, умнѣе»,—сказала со вздохомъ бѣдная гусеница. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, она вспомнила о жаворонкѣ и сказала себѣ, что такъ какъ онъ поднимается высоко, высоко на небо, то ужь вѣрно онъ очень уменъ и знаетъ очень много. Подниматься высоко казалось гусеницѣ чѣмъ-то особенно необыкновеннымъ, такъ какъ она этого не могла дѣлать.

Жаворонокъ жилъ въ сосѣднемъ полѣ, и гусеница при пер-

вомъ удобномъ случаѣ пригласила его къ себѣ поговорить. Она ему разсказала всѣ свои затрудненія и спросила, какъ прокормить эти бѣдныя крошечныя существа, которыя такъ на нее не похожи.

«Можетъ быть, вы гдѣ нибудь развѣдаете, или постараетесь узнать объ этомъ, когда полетите туда на верхъ», сказала робко гусеница.

— Очень можетъ быть, отвѣтилъ жаворонокъ, — и на этотъ разъ больше ничего не сказалъ. Онъ порхнулъ наверхъ къ прекрасному синему небу; звукъ его голоска все больше и больше удалялся, и наконецъ гусеница не могла ужъ больше его разслышать. Само собою разумѣется, она не могла его и видѣть, потому что была немного близорука; она съ большимъ трудомъ—и то только осторожно подымаясь на своихъ 8 заднихъ лапкахъ—могла видѣть небо.—Увидѣвъ, что дѣлать было нечего, она опустилась на 6 переднихъ лапокъ и снова начала ползать вокругъ яичекъ, отгрызая то тамъ, то сямъ кусочекъ капустнаго листа.

«Какъ этотъ жаворонокъ долго тамъ остается!» сказала она наконецъ; «что бы я дала, чтобы знать гдѣ онъ въ настоящую минуту! Вѣрно онъ полетѣлъ куда-нибудь дальше, чѣмъ обыкновенно. Какъ бы я хотѣла знать, куда онъ летаетъ и что тамъ говорятъ наверху, въ этомъ голубомъ воздухѣ; онъ съ пѣснями улетаетъ и съ пѣснями же возвращается, и болѣе ни слова. Онъ не болтунъ, о нѣтъ, разумѣется не болтунъ». И гусеница еще разъ проползла вокругъ яичекъ.

Наконецъ послышался голосъ жаворонка. Гусеница чуть не вспрыгнула отъ радости и скоро увидала своего друга, который летѣлъ къ капустѣ, напѣвая въ пол-голоса:

«Хорошая новость, милый другъ, хорошая новость! но къ несчастью, ты вѣроятно не захочешь мнѣ повѣрить.»

— Я вѣрю всему, что мнѣ говорятъ—поспѣшно отвѣтила гусеница.

Если такъ, то я тебѣ прежде всего скажу, что̀ должны кушать эти малютки, сказалъ жаворонокъ, указывая носикомъ на яички. Отгадай сама, что это такое; отгадай»!

— Я очень боюсь, что это будетъ роса и медъ, сказала вздохнувъ гусеница.

«Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, моя милая,—что-то гораздо болѣе простое, что-то такое, что даже ты можешь достать безъ малѣйшаго труда».

— Я ничего не могу достать безъ труда,—сказала печально гусеница,—ничего, кромѣ капустнаго листа.

«Отлично, мой другъ! вскричалъ радостно жаворонокъ, ты догадалась! Надо ихъ кормить *капустнымъ листомъ*.

— Ни за что! сказала съ негодованіемъ гусеница; ихъ умирающая мать строго мнѣ это запретила.

«Ихъ умпрающая мать ничего въ этомъ не понимала. Но если ты мнѣ не вѣришь, то зачѣмъ же ты меня спрашивала?

— О, я вѣрю всему, что мнѣ скажутъ, повторила гусеница.

— «Я этого не вижу, возразилъ жаворонокъ, ты даже не хочешь мнѣ вѣрить относительно пищи. Однако это было только начало того, что я хотѣлъ тебѣ сказать.... Какъ ты думаешь, моя милая, кто выйдетъ изъ яичекъ?

— Разумѣется бабочки.

— «Червячки! пропѣлъ жаворонокъ; и ты это скоро сама увидишь».

Затѣмъ жаворонокъ вспорхнулъ: ему казалось недостойнымъ разсуждать объ этомъ съ своей пріятельницей.

— Я думала, что жаворонокъ добръ и уменъ, сказала гусеница, начиная ползать вокругъ яичекъ;—а между тѣмъ онъ глупъ и дерзокъ. Можетъ быть этотъ разъ онъ поднялся слишкомъ высоко и оставилъ немного своего разсудка на облакахъ. Очень жаль, когда умныя существа говорятъ и дѣлаютъ глупости. Однако мнѣ все таки хотѣлось бы знать, что онъ тамъ дѣлаетъ наверху и что онъ тамъ видитъ.

«Я бы тебѣ это сказалъ, если бы ты мнѣ вѣрила», пропѣлъ опять жаворонокъ, снова возвращаясь.

— Я вѣрю всему, что мнѣ говорятъ, снова сказала гусеница увѣреннымъ тономъ.

«Тогда я тебѣ скажу еще другое, потому что я тебѣ еще не сказалъ моей лучшей новости: настанетъ день, когда ты, червячекъ, сдѣлаешься бабочкой!»

— Злая птица! вскричала гусеница. Ты не только глупа, но и жестока, потому что смѣешься надъ моимъ печальнымъ

положеніемъ. Оставь меня! я у тебя болѣе не спрашиваю совѣтовъ.

Вѣдь я тебѣ сказалъ, что ты мнѣ не будешь вѣрить», возразилъ жаворонокъ, обидясь въ свою очередь.

— Я вѣрю всему, что мнѣ говорятъ, то-есть всему, чему благоразумно вѣрить. Но когда мнѣ говорятъ, что изъ яичекъ бабочки выйдутъ гусеницы и что гусеницы однажды перестанутъ ползать, будутъ имѣть крылья и сдѣлаются бабочками!... Жаворонокъ, ты слишкомъ уменъ, чтобы вѣрить такимъ пустякамъ; ты самъ знаешь, что это невозможно!

«Я совсѣмъ этого не знаю, сказалъ съ жаромъ жаворонокъ. Когда я летаю въ воздухѣ, высоко надъ землею, то я вижу такъ много чудеснаго, что меня ничто не удивляетъ. Бѣдный червячекъ! многое кажется тебѣ невозможнымъ только потому, что ты ползаешь и не идешь дальше своего капустнаго листа».

— Глупости! вскричала гусеница; моя опытность и мой разсудокъ мнѣ такъ же говорятъ, какъ и тебѣ, что возможно и что невозможно. Посмотри на мою длинную зеленую спину, посмотри на эти лапки, и не говори мнѣ о крыльяхъ и о блестящемъ платьѣ. Безумный!

— «Сама ты безумная!» сказалъ разсерженный жаворонокъ.—Безумная, если хочешь разсуждать о томъ, чего ты не можешь понять. И жаворонокъ надувшись сердито отлетѣлъ и сѣлъ.... на ближайшее дерево.

Гусеница тяжело вздохнула и собралась снова начать свою прогулку вокругъ яичекъ. Вдругъ почувствовала она, что что-то движется возлѣ нея; она обернулась: восемь или десять маленькихъ зеленыхъ гусеницъ ползали на капустномъ листѣ и уже прогрызли въ немъ маленькую дырочку. Онѣ вышли изъ яичекъ бабочки,

Гусеница смотрѣла на нихъ и не могла придти въ себя отъ удивленія и стыда; но скоро радость замѣнила всѣ другія ощущенія.—Если одно чудо исполнилось, подумала она, то почему же не исполниться и второму чуду?

Она робко обернулась къ тому дереву, на которомъ сидѣлъ жаворонокъ, какъ бы прося его придти къ ней и простить ее. Жаворонокъ еще раньше замѣтилъ маленькихъ червячковъ и своимъ ласковымъ тихимъ щебстаньемъ давно уже давалъ знать,

что больше не сердится; увидѣвъ, что гусеница зоветъ его, онъ весело подлетѣлъ къ ней и началъ ей пѣть о всѣхъ чудесахъ, которыя онъ видѣлъ на землѣ и тамъ, высоко въ воздухѣ.

Часто говорила потомъ гусеница своимъ роднымъ и друзьямъ о томъ времени, когда она будетъ бабочкой; но никто ей не вѣрилъ; всѣ думали, что она помѣшалась и покачивая головками говорили: бѣдное существо!. Но гусеница осталась при своемъ, и когда пришла для нея пора обратиться въ куколку, она все-таки продолжала говорить: «однажды я буду бабочкой!»

Долго лежала куколка неподвижно. Но вотъ пришла весна: все ожило, все освѣжилось; птички защебетали, и цвѣты раскрыли свои пестрыя чашечки, полныя душистаго меда, предлагая пищу бабочкамъ и разнымъ другимъ крошечнымъ существамъ. Яркій лучъ солнца проникъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала куколка, и горячо поцѣловалъ её; куколка зашевелилась, стала раскрываться, и скоро изъ нея вышла хорошенькая бабочка, которая съ удивленіемъ оглядывалась вокругъ. Расправивъ свои бѣлыя крылышки, она высоко поднялась на воздухъ, радуясь и удивляясь всему тому, что видѣла вокругъ себя. Бабочки и другія крылатыя существа ласково привѣтствовали ее, и никто не думалъ, что эта порхающая хорошенькая бабочка была прежде скромной, зеленой гусеницей.

***

ПЫЛИНКИ.

Въ небольшой комнатѣ стояло двѣ кроватки; въ нихъ лежали двѣ маленькія дѣвочки. Одна была старше другой годами двумя; младшей на взглядъ было года четыре. Голосовъ дѣвочекъ не было слышно, хотя солнце свѣтило уже довольно ярко, и въ сосѣдней комнатѣ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ.

Няня уже приготовила дѣтямъ чашки, молоко и булки, а изъ спальни все еще не слышно условнаго стука пальчикомъ въ раму кроватки старшей дѣвочки, которымъ она обыкновенно первая призывала къ себѣ няню когда проснется.

Но что за дѣло спящему человѣку, хотя бы и маленькому, до того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ? На этотъ разъ, однако, спала только одна младшая дѣвочка, старшая же очень заботилась если и не о томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, о томъ, что происходило на свѣтлой солнечной полосѣ, которая врывалась въ дѣтскую спальню, сквозь дырочку, вѣроятно случайно, прорванную въ темной шторѣ.

Свѣтъ отъ этой маленькой, едва замѣтной дырочки входилъ въ комнату яркою полосою, которая чѣмъ далѣе отъ окна тѣмъ болѣе разширялась. Соня, — такъ звали старшую дѣвочку—вглядывалась въ эту полосу, по временамъ приподымалась то разсѣкала ее рукою, то дула на нее. Каждый разъ, послѣ всякаго движенія личико ея принимало новое выраженіе, и старая няня, заглянувшая въ спальню, удивилась, что рѣзвая, веселая Соня, которая

не любила долго лежать въ кроваткѣ, на этотъ разъ сидитъ такъ долго на постелькѣ и не трогаетъ ни чулочковъ ни башмачковъ, не спѣшитъ одѣться, чтобы, по обыкновенію, помочь младшей сестрѣ.

„Что это съ тобою, Соничка, здорова-ли ты? спросила няня, подходя къ постелькѣ.

— Здорова, здорова; только отойди пожалуйста и не мѣшай мнѣ.

„Вотъ это хорошо! отойти и не мѣшать тебѣ валяться, когда самоваръ на столѣ и такая ясная погода, что можно сейчасъ идти гулять.

— Совсѣмъ не валяться, а не закрывай вотъ этой свѣтлой полоски, которую я хочу показать Катѣ;—посмотри-ка няня какія здѣсь летаютъ блестящія, разноцвѣтныя, хорошенькія звѣздочки.

Въ самомъ дѣлѣ, на свѣтлой полосѣ пылинки, встревоженныя и вѣтромъ отъ дверей, и движеніями няни, съ особенною быстротой стали кружиться, вертѣться, перегоняться, то опускаясь, то поднимаясь.

— Посмотри какъ всѣ онѣ забѣгаютъ еще скорѣе, когда я дуну, или махну рукою. Вотъ и Катя просыпается — не мѣшай няня, отойди.

„Пустяками ты занимаешься Соничка, да еще говоришь, что я мѣшаю; ну что же тутъ смотрѣть — пыль да и только“.

— Совсѣмъ это не пыль;—пыль сѣрая, грязная, а это такія красивыя, блестящія точки, какъ будто звѣздочки — и все толкутся, летаютъ, вьются. Посмотри Катя, какъ это мило—спросимъ у папы, что это такое.

Умываніе, одѣваніе Сони шло не такъ весело какъ обыкновенно — ее занималъ вопросъ что скажетъ отецъ? Няня, тоже съ нею не заговаривала, не довольная неласковою встрѣчею Сони; одна другой не пожелали даже добраго утра.

— Здравствуй Папа! сказала Соня, подбѣжавъ къ отцу

и поцѣловавъ его, быстро продолжала: Папа, у насъ въ комнатѣ, возлѣ моей кроватки была свѣтлая полоса — въ ней толкались и кружились хорошенькія, разноцвѣтныя звѣздочки, которыя такъ блестѣли.... Няня говоритъ, что это пыль—вѣдь это неправда Папа?

„Нѣтъ, Соня, это правда, отвѣчалъ отецъ; это дѣйствительно пыль.

— Да вѣдь пыль сѣрая, гадкая, а это такія хорошенькія звѣздочки.

„Эти пылинки, которыя ты называешь звѣздочками, только потому тебѣ такъ понравились, что ихъ освѣщалъ солнечный лучъ, пробравшійся въ вашу комнату, а еслибы не было этого луча, то и твои звѣздочки не были бы такъ блестящи, ты и не замѣтила бы ихъ, какъ не замѣчаешь теперь, хотя и здѣсь ихъ не меньше, чѣмъ около твоей кроватки.

Видя, что Соня съ любопытствомъ слушаетъ его, и даже Катя уставила на него свои большіе глазенки, отецъ сталъ разсказывать, что такая же пыль наполняетъ и всю комнату, и всѣ комнаты, и воздухъ на улицѣ, въ саду и вездѣ. Отецъ объяснилъ, что въ этой пыли есть маленькія частицы всего, что насъ окружаетъ: тутъ и частицы пола, стирающагося о башмаки, и частицы кожи башмаковъ, которые изнашиваются, стираются, обращаются въ столь тонкій, легкій порошокъ, что онъ долго плаваетъ въ воздухѣ; тутъ и частицы бѣлья, платья и шерстянаго, и шелковаго, которые отъ того и изнашивается и стирается, что очень мелкія частицы отрываются отъ него; онѣ-то и носятся въ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока не усядутся гдѣ нибудь, пока не пристанутъ къ какой либо паутинкѣ, или къ другой пылинкѣ и тогда уже, вмѣстѣ, какъ болѣе тяжелыя, опустятся на полъ; все, что изнашивается, стирается все носится пылью въ воздухѣ.

Дѣти еще болѣе удивились когда отецъ разсказалъ имъ, что въ этой пыли не все мертво и никуда не годно; что

въ садовой пыли носится въ воздухѣ множество мелкихъ сѣмячекъ и зародышковъ растеньицъ, множество мелкихъ яичекъ, изъ которыхъ, когда они попадутъ на мѣста для нихъ удобныя, вырастутъ растеньица, вылупятся животныя, хотя и очень маленькія, но совершенно полныя жизни.

— Какъ жаль, что я немогу видѣть такихъ животныхъ и растеній—сказала Соня.

„Отъ чего же не можешь видѣть? Вотъ посмотри, при этомъ онъ принесъ чернильницу и показалъ плесень—вотъ растеньица; — ихъ можешь видѣть также на чашкѣ со старымъ клейстеромъ, что въ комнатѣ у Сережи, на долго лежаломъ яблокѣ, на сырой коркѣ хлѣба; подобный же бѣлый пушокъ ты видѣла осенью на мертвой мухѣ, прилипшей къ стеклу. Даже на твоемъ тѣлѣ, особенно если долго или чисто не моешься, въ твоей собственной кожѣ можетъ развиться и развивается если не плесень, то жизнь очень маленькихъ животныхъ, и чѣмъ неряшливѣе, неопрятнѣе будешь жить, тѣмъ крупнѣе будутъ развиваться животныя, такъ что могутъ развестись не только мелкія, невидимыя, микроскопическія животныя но и большія и ползающія сѣрыя и скутущія черныя—ты ихъ вѣрно знаешь.

Это ужъ очень не понравилось маленькимъ слушательницамъ, особенно когда вмѣшалась няня, съ своимъ наставленіемъ, что надо чесать голову всякій день, какъ бы это ни было непріятно — иначе на головѣ заведется множество живыхъ, видимыхъ и невидимыхъ животныхъ и растеній; а отецъ прибавилъ еще съ своей стороны, что и по всему тѣлу могутъ развестись очень маленькія существа, вибріоны, если рѣдко или не чисто умываться, не чесать головы, рѣдко перемѣнять бѣлье.

Этотъ разговоръ, который началъ принимать уже довольно серьезный оборотъ, былъ прерванъ приходомъ общаго любимца и друга Андрея Ивановича.

(Продолженіе будетъ).

ОПЫТЫ

ФИЗИЧЕСКІЕ, ХИМИЧЕСКІЕ И МЕХАНИЧЕСКІЕ.

1. МАГНИТИЗМЪ.

Приготовить искуственный магнитъ.

Магнитомъ называется кусокъ желѣза или стали, обладающій свойствомъ притягивать къ себѣ другіе меньшіе куски желѣза и стали. У насъ на Уралѣ существуютъ цѣлыя горы желѣзной руды, имѣющей (въ слабой степени) эти свойства. Такіе магниты называются *естественными* магнитами. Если взять кусокъ естественнаго магнита и натереть имъ желѣзную или стальную палочку, то эта палочка получаетъ свойства магнита, т. е. начнетъ притягивать желѣзные и стальные предметы. Такое, искуственнымъ образомъ, намагниченное желѣзо называется—*искуственный* магнитъ. Искуственные магниты продаются въ каждой игрушечной лавкѣ; болѣе сильный магнитъ можно купить въ магазинахъ, гдѣ продаются физическіе приборы; его дѣлаютъ обыкновенно въ формѣ подковы.

Магниты можно приготовить и безъ помощи естественнаго магнита. Если желѣзный или стальной прутъ (наприм. кочергу) повѣсить отвѣсно на шелковомъ шнуркѣ, захватить его въ серединѣ желѣзными щипцами, которыми берутъ уголья, и тереть ими прутъ нѣсколько разъ отъ середины до верхняго конца (но не обратно), то прутъ намагнитится. Тоже будетъ, если держать прутъ въ нѣсколько наклонномъ положеніи, обративъ ниж-

ній конецъ къ сѣверу, и ударить молоткомъ по верхнему концу.

Имѣя магнитъ, вы легко можете намагнитить имъ разныя желѣзныя и стальныя вещи. Натрите, напримѣръ, иголку однимъ концемъ магнита, и иголка будетъ намагничена. Слѣдуетъ при этомъ натирать иголку постоянно только въ одномъ направленіи т. е. отъ ушка къ острію или обратно. Сталь намагничивается лучше, чѣмъ желѣзо.

Компасъ.

Отрѣжьте кусокъ пробки и пустите въ блюдо или чашку съ водою. Намагнитьте затѣмъ иголку и положите ее на плавающую пробку. Вы увидите, что иголка однимъ концемъ будетъ постоянно обращена къ сѣверу. Какъ бы вы ни поворачивали пробку, она непремѣнно приметъ снова это положеніе. Слѣдовательно, магнитъ, кромѣ свойства притягивать желѣзо, имѣетъ еще одно свойство—обращаться однимъ концемъ постоянно къ сѣверу. Тотъ конецъ магнита, который обращается къ сѣверу, называется *сѣвернымъ концемъ* или *сѣвернымъ полюсомъ* магнита, а другой конецъ—*южнымъ*.

Знать, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ, очень важно на морѣ, въ лѣсу, въ степи и вообще вездѣ, гдѣ дорога намъ неизвѣстна и гдѣ, поэтому, можно пойти совершенно не въ ту сторону, куда нужно, и сбиться съ пути. Поэтому на каждомъ кораблѣ и пароходѣ есть небольшой ящикъ съ стеклянной крышкой, въ которомъ на тоненькой шпилькѣ насажена намагниченная стальная полоска (магнитная *стрѣлка*); полоска эта вертится свободно на шпилькѣ и обращена поэтому однимъ концемъ постоянно къ сѣверу. Такой приборъ называется *компасомъ*. Маленькіе компасы (есть почти въ гривенникъ величиною) можно купить очень дешево во многихъ магазинахъ. Пробка, которую вы пускали съ намагниченной иголкой въ воду, тоже родъ компаса; только брать такой компасъ въ дорогу неудобно.

Капризный гусь.

Вырѣжьте изъ дерева или изъ пробки туловище гуся; изъ воска сдѣлайте крылья, шею и голову, и воткните въ клювъ

намагниченную иголку. Пустите вашего гуся въ блюдо съ водой, возьмите намагниченную палочку и подносите ее то тѣмъ, то другимъ концемъ къ клюву гуся. Вы замѣтите, что дѣйствіе палочки будетъ различно: одинъ конецъ ея будетъ притягивать гуся, другой—отталкивать. Объясняется это тѣмъ, что однородные концы или полюсы двухъ магнитовъ (т. е. сѣверный и сѣверный) отталкиваются одинъ отъ другаго, а разнородные (т. е. сѣверный и южный) притягиваются другъ къ другу. Будетъ забавно, если вы на одинъ (притягивающій) конецъ магнитной палочки насадите кусочекъ хлѣба, а на другой—кусочекъ ваты, и будете увѣрять того, кто не знаетъ дѣйствія магнита, что вашъ гусь хоть и не живой, но умный, знаетъ что можно ѣсть и чего не ѣдятъ. Такіе гуси и рыбки, сдѣланные изъ жести, продаются въ игрушечныхъ лавкахъ; при нихъ даются и магнитныя палочки.

Послушная мышка.

Положите иголку на листъ бумаги, а подъ бумагой водите магнитомъ по разнымъ направленіямъ; иголка будетъ двигаться по бумагѣ вслѣдъ за магнитомъ.—Сдѣлайте изъ шерсти или изъ ваты маленькую мышку, прикрѣпите къ ея животику небольшое стальное перо, выпуклостью внизъ, и поставьте мышку на бумагу. Если водить подъ бумагой магнитомъ, то и мышка будетъ двигаться.

Магнитъ можетъ дѣйствовать, слѣдовательно, и черезъ бумагу. Онъ дѣйствуетъ и черезъ воздухъ, что вы могли легко замѣтить при опытѣ съ гусемъ: вамъ не было надобности подносить магнитъ непремѣнно къ самому клюву гуся; достаточно было держать его недалеко отъ клюва — и гусь уже двигался. Магнитъ дѣйствуетъ и черезъ стекло:—насыпьте на стекло желѣзныхъ опилокъ и водите магнитомъ снизу стекла; опилки будутъ двигаться, слѣдить за магнитомъ.

Цѣпь изъ иголокъ.

Та желѣзная или стальная вещь, которая притянута магнитомъ, сама получаетъ магнитныя свойства т. е. можетъ въ свою очередь притягивать къ себѣ желѣзо и сталь.

Насыпьте кучку иголокъ и поднесите къ одной изъ нихъ

магнитъ—она пристанетъ къ магниту. Поднимите магнитъ повыше, и вы увидите, что къ приставшей иголкѣ пристала другая, къ этой третья и т. д. Если магнитъ довольно силенъ, то такимъ образомъ образуется цѣлая цѣпь иголокъ. Отнимите первую иголку отъ магнита, и всѣ иголки отстанутъ другъ отъ друга.

Кисти изъ желѣзныхъ опилокъ.

Опустите магнитную палочку въ желѣзные опилки: они пристанутъ къ обоимъ ея концамъ и будутъ держаться на нихъ въ видѣ кистей или щетокъ. Если вы накроете магнитъ бумагой и насыплете на бумагу опилокъ, то опилки соберутся около двухъ концевъ магнита въ видѣ вѣера. Въ обоихъ случаяхъ къ серединѣ магнита опилки притягиваться не будутъ. Слѣдовательно, притягательная сила магнита расположена только въ обоихъ его концахъ (полюсахъ), а середина вовсе не имѣетъ магнитной силы. Если однако переломить магнитъ въ серединѣ, то получатся два магнита, изъ которыхъ въ каждомъ будетъ и сѣверный и южный полюсъ.

Замѣтимъ хорошенько то, что показываютъ вамъ всѣ предъидущіе опыты съ магнитомъ: магнитъ поднимаетъ, движетъ, *притягиваетъ желѣзо*; магнитъ притягиваетъ на нѣкоторомъ разстояніи; каждый магнитъ можетъ передавать свои свойства; *магнитъ имѣетъ два конца* или *полюса*: одинъ конецъ магнитной иглы всегда поворачивается къ сѣверу, другой къ югу; *одноименные концы отталкиваются*, *разноименные взаимно притягиваются*.

Это очень любопытно; но подумаемъ, что заставляетъ магнитъ дѣйствовать подобнымъ образомъ? Почему мѣдный прутъ не притягиваетъ къ себѣ ничего? почему кусокъ дерева тоже не тянетъ къ себѣ ничего? Чѣмъ нашъ магнитъ держитъ стальную иглу—снаружи не видно; подобныхъ *скрытыхъ способностей* каждый видѣлъ и знаетъ много; но только не думалъ объ нихъ. Напр. приподнятый съ земли камень и оставленный свободно, —летитъ, падаетъ на землю: что заставляетъ его летѣть? притомъ летѣть непремѣнно внизъ на землю и т. п. Объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Итакъ замѣтимъ, что магнитъ обладаетъ *способностію* притягивать желѣзо; способность эта не зависитъ отъ

его наружной формы; эта внутренняя, присущая ему способность есть *магнитная сила*. Видѣть эту силу нельзя—видѣть дѣйствіе ея можетъ каждый; по этому признать существованіе ея мы должны; многое придется намъ признать, чего видѣть и не можемъ.

2. ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

Танцующія бумажки.

Положите на столъ нѣсколько маленькихъ кусочковъ бумаги. Потрите о сукно палочку сургуча и поднесите сургучъ къ бумажкамъ; онѣ зашевелятся, приподнимутся и,—если опустите сургучъ ближе, то бумажки привскочутъ и пристанутъ къ нему. Вмѣсто сургуча можно взять кусокъ янтаря или стеклянную палочку; но только стеклянную палочку нужно натирать не сукномъ, а какой нибудь шелковой матеріей или кожей *).

Поднесите палецъ къ бумажкѣ, когда она пристала къ сургучу и виситъ на немъ, бумажка подвинется свободнымъ концемъ къ пальцу и пристанетъ къ нему, но черезъ нѣсколько времени отскочитъ и обоими концами прижмется къ сургучу, затѣмъ снова подойдетъ къ пальцу и т. д. Это постоянное притяженіе и отскакиваніе можно наблюдать еще лучше, если вмѣсто бумажки взять волосъ, который также притягивается натертымъ сургучемъ.

Все это происходитъ оттого, что въ сургучѣ, отъ тренія его о сукно, развилась особая сила, которая называется *электричествомъ*. Такое названіе дали ей греки, потому что они замѣтили ее въ первый разъ въ янтарѣ, а янтарь погречески *электронъ*. Электричества много въ сургучѣ, янтарѣ, стеклѣ, смолѣ, резинѣ, волосахъ. Оно въ нихъ постоянно; но для того, чтобы оно развилось сильнѣе и показало всѣ свои свойства, необходимо треніе т. е. возбужденіе электричества.

Бумажка за бумажкой.

Поднесите натертый сукномъ сургучъ къ бумажкѣ и приставшій кусочекъ приблизьте къ другому кусочку бумаги,—этотъ

*) Если нѣтъ стеклянной палочки, то можно натирать просто какой нибудь стеклянный пузырекъ, пробку отъ графина и т. п.

послѣдній пристанетъ къ первому. Слѣдовательно, приставшая къ сургучу бумажка приняла въ себя часть электричества сургуча.

Повѣсьте какую-нибудь металлическую палочку на шелковинку, сильно натрите сургучъ и приложите его къ одному концу металлической палочки. Поднесите къ другому ея концу волосъ или бумажку; вы увидите, что палочка станетъ притягивать ихъ. Если же вы вмѣсто металлической палочки возьмете стеклянную, то этого дѣйствія уже не будетъ, потому что стекло не принимаетъ въ себя чужаго электричества.

Изъ этого вы видите, что нѣкоторые предметы хорошо принимаютъ въ себя электричество другихъ предметовъ и передаютъ его дальше; другіе же, напротивъ, не принимаютъ и не пропускаютъ чрезъ себя постороннее электричество. Поэтому, одни называются *хорошими проводниками* электричества (т. е. черезъ нихъ электричество одного предмета хорошо проходитъ, *проводится* въ другой предметъ), другіе — *дурными проводниками* электричества. Хорошіе проводники, напримѣръ, всѣ металлы, тѣло человѣка, дерево; дурные—стекло, шелкъ, воздухъ. Еслибы вы, дѣлая послѣдній опытъ, держали металлическую палочку въ рукѣ, то электричество перешло бы въ ваше тѣло, а оттуда въ землю, потому что тѣло хорошій проводникъ. Но такъ какъ между палочкой и рукой была шелковинка, а шелкъ дурной проводникъ, то электричество и осталось въ палочкѣ. Можно было положить палочку на стаканъ; электричество тоже никуда не могло бы уйти, такъ какъ и стекло дурной проводникъ.

Еще нѣсколько опытовъ.

Приложите два листа бумаги къ теплой печкѣ, затѣмъ, положивъ ихъ на столъ одинъ на другой, трите верхній листъ резинкой. Оба листа пристанутъ другъ къ другу.

Положите на гладкій, полированный столъ листъ бумаги и сильно натрите его резинкой,—бумага пристанетъ къ столу; а если поднесете ее къ маленькимъ кусочкамъ бумаги—они пристанутъ къ ней.

Нагрѣйте у печки оконное стекло, положите его краями на какія-нибудь подставки, напримѣръ на двѣ книги, и натирайте стекло шелковою матеріею или кускомъ фланели. Стекло на-

электризуется и будетъ притягивать къ себѣ легкія бумажки, которыя вы положите на столѣ подъ натираемымъ стекломъ.

Кошка-волшебница.

Если у васъ есть черная кошка, возьмите ее въ темную комнату и погладьте противъ шерсти. Вы услышите слабый трескъ и замѣтите небольшія искры. Точно такой же трескъ слышали вы, вѣроятно, иногда, когда разчесывали сухіе волосы; но искры при этомъ такъ малы, что ихъ нельзя разсмотрѣть.

Если колоть сахаръ въ темной комнатѣ, то сахаръ свѣтится въ томъ мѣстѣ, по которому ударяютъ.

Трескъ, искры и свѣтъ происходятъ во всѣхъ этихъ случаяхъ оттого, что въ шерсти, волосахъ и сахарѣ отъ тренія развивается въ сильной степени электричество. Въ прежнихъ опытахъ электричество возбуждалось менѣе сильно, поэтому не было ни искры, ни треска.

Маленькая молнія.

Молнія—это огромная электрическая искра, а громъ—сильный электрическій трескъ. Въ природѣ очень много электричества. Иногда оно поднимается отъ земли вмѣстѣ съ туманомъ и испареніями къ верху; изъ этихъ испареній образуются облака и тучи, въ которыхъ собирается иногда такимъ образомъ очень много электричества; оно-то и даетъ тѣ огромныя искры, которыя называются *молніею*. Страшный трескъ, который при этомъ бываетъ и который называется *громомъ*, продолжается собственно очень недолго, всего какую-нибудь секунду; тѣ *раскаты* грома, что мы слышимъ, это—эхо, повтореніе треска въ облакахъ, но уже не самый трескъ; точно такіе же раскаты бываютъ, если выстрѣлить въ лѣсу или въ горахъ.

Маленькую молнію т. е. маленькую электрическую искру можно получить очень легко. Поставьте на столъ чистый сухой стаканъ и накройте его опрокинутымъ жестянымъ или мѣднымъ подносомъ. Если подносъ очень большой, то нужно взять нѣсколько стакановъ, чтобы подносъ не упалъ при опытѣ. Возьмите затѣмъ листъ простой писчей бумаги, приложите его къ теплой печкѣ и, придерживая его лѣвою рукою вверху, натирайте кускомъ резинки. Листъ плотно пристанетъ къ печкѣ,

какъ бы приклеенный; это уже показываетъ, что онъ сильно наэлектризованъ. Возьмите его за два угла, отдерите отъ печки и положите осторожно на подносъ, не дотрогиваясь пальцами до подноса и наблюдая, чтобы края листа не прикасались къ столу. Электричество, скопившееся въ бумагѣ, перейдетъ въ подносъ, такъ какъ металлъ хорошій проводникъ электричества, но дальше не пойдетъ, потому что стекло дурной проводникъ. Такимъ образомъ, электричество собралось теперь въ подносѣ: подносъ, какъ говорятъ, — *заряженъ* электричествомъ. Если поднесете теперь къ подносу палецъ, то изъ подноса въ палецъ перескочитъ съ небольшимъ трескомъ искра. Если хотите сильнѣе зарядить подносъ, то, положивъ на него натертый резинкою листъ, тотчасъ же снимите его осторожно, не касаясь ничѣмъ до подноса, чтобы не разрядить его, приложите листъ снова къ печкѣ, натрите резинкою и опять положите осторожно на подносъ. Повторите это нѣсколько (4 или 5) разъ, и получите послѣ этого искру болѣе длинную и болѣе яркую.

Здѣсь электричество развилось сначала въ сильной степени въ резинкѣ отъ теплоты и тренія о бумагу, затѣмъ перешло въ бумагу, а оттуда въ подносъ. Если поднести къ подносу кусочки бумаги, то они пристанутъ къ нему.

Слѣдовательно, вы теперь знаете, что электричество имѣетъ свойство притягивать и—если оно сильно возбуждено—давать искру съ трескомъ. Дальше будетъ указано, какъ устроиваются электрическіе приборы, дающіе очень сильную искру.

Не тронь меня.

Въ предыдущемъ опытѣ электричество оставалось въ подносѣ, потому что стекло не пропускало его дальше. Когда вы дотрогивались до подноса, электричество черезъ васъ уходило въ землю. Понятно поэтому, что если устроить такъ, чтобы электричество не могло уходить изъ васъ въ землю, то оно останется въ васъ.

Станьте на толстую стеклянную пластинку или просто на толстые стаканы, возьмите въ руки подносъ и попросите, чтобы его зарядили т. е. положили на него натертую резинкой бумагу, не дотрогиваясь ни до подноса, ни до васъ. Если теперь кто-нибудь близко поднесетъ палецъ къ какой-либо части вашего

тѣла, то изъ васъ выскочитъ искра. Само собою разумѣется, что чѣмъ сильнѣе заряженъ подносъ, тѣмъ сильнѣе будетъ и искра. Если будутъ держать руку близко къ вашимъ волосамъ, то они поднимутся.

Ложка-недотрога.

Возьмите сухой стеклянный стаканъ (лучше брать гладкій и одинаково ровный вверху и внизу), обложите его дно и стѣнки съ внутренней и наружной стороны цинковымъ, свинцовымъ или оловяннымъ листомъ, напримѣръ такимъ, въ который завертываютъ чай; обкладывать надо до $^2/_3$ высоты и притомъ такъ, чтобы не было складокъ; поэтому лучше вырѣзать отдѣльно дно, и отдѣльно боковыя полосы, которыя можно, если нужно, приклеить къ стеклу крахмальнымъ клейстеромъ; необходимо при этомъ наблюдать, чтобы дно обложки прикасалось къ стѣнной полоскѣ. (Если у васъ нѣтъ металлическихъ листовъ, то можете просто налить въ стаканъ воды, а наружную сторону обернуть мокрой тряпкой или мокрой бумагой). Затѣмъ положите въ стаканъ ложку и дотроньтесь ею до заряженнаго подноса, держа стаканъ за наружную обкладку. Когда искра перескочитъ въ ложку, тогда, продолжая держать одною рукою за наружную обкладку, поднесите другую руку къ ложкѣ: изъ ложки выскочитъ искра, и вы почувствуете легкое сотрясеніе въ обѣихъ рукахъ. Если вы, прежде чѣмъ поднесете руку къ ложкѣ, пустите въ ложку изъ подноса нѣсколько искръ (разумѣется каждый разъ заряжая снова подносъ), то при приближеніи руки получится довольно большая искра, и сотрясеніе почувствуется болѣе сильное.

Приборъ этотъ служитъ, слѣдовательно, къ тому, чтобы собрать нѣсколько электрическихъ искръ и этимъ усилить дѣйствіе электричества. Называется такой приборъ *лейденскою банкою*. Я вамъ показалъ самый простой способъ устроить себѣ лейденскую банку; обыкновенно же дѣлаются онѣ нѣсколько иначе. Обложивъ стаканъ металлическимъ листомъ (какъ указано выше), пригоняютъ деревянную крышку на стаканъ, въ серединѣ которой провертываютъ дырочку. Въ эту дырочку пропускаютъ проволоку, загибаютъ крючкомъ или колечкомъ тотъ конецъ ея, который будетъ внутри стакана, накладываютъ на стаканъ

крышку, покрывъ сургучемъ тѣ мѣста ея, которыя будутъ лежать на стаканѣ. Проволока должна непремѣнно нижнимъ концемъ доходить до дна стакана; на верхній, наружный ея конецъ насаживается металлическій шарикъ.

Если поставить нѣсколько лейденскихъ банокъ рядомъ и соединить ложки (или наружныя проволоки) между собою проволокою, то образуется такъ называемая *электрическая батарея*.

Въ батарею можно впустить очень много искръ и слѣдовательно можно получить изъ нея очень сильную искру, гораздо болѣе сильную, чѣмъ изъ одной банки, въ которую нельзя пустить болѣе 4-хъ или 5-ти искръ, такъ какъ иначе стаканъ можетъ лопнуть.

Чтобы вы поняли, почему искра лейденской банки производитъ такое ощущеніе въ рукахъ, нужно вамъ сказать, что въ то время, какъ вы собираете электричество въ стаканъ, на наружной его стѣнкѣ также накопляется электричество изъ воздуха. Оба эти электричества сильно стремятся соединиться другъ съ другомъ, но черезъ стекло имъ сдѣлать это трудно, такъ какъ стекло дурной проводникъ электричества *). Но когда вы возьметесь одною рукою за наружную обкладку стакана, а другою дотронетесь до ложки, то между двумя электричествами окажется хорошій проводникъ—ваше тѣло; оба электричества тотчасъ же соединятся черезъ ваши руки, и вы почувствуете при этомъ сотрясеніе въ рукахъ.

Если *нѣсколько человѣкъ* возьмутся за руки, и крайніе прикоснутся—одинъ къ наружной обкладкѣ, а другой къ ложкѣ, то *всѣ* почувствуютъ одновременно сотрясеніе въ рукахъ.

---

*) Однако если скопится много электричества, то оба они непремѣнно соединятся черезъ стекло и стекло при этомъ можетъ лопнуть. Вотъ почему не надо пускать въ ложку слишкомъ много искръ.

(Продолженіе будетъ).

А. Кочетовъ.

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ.

1. Домино

Сюда принадлежатъ 3 листка папки съ отпечатанными игорными костями, которыя слѣдуетъ склеить.

Домино играется 28 длинными костями, раздѣленными по срединѣ чертою на два квадрата. На этихъ квадратахъ стоятъ свѣтлыя точки (ихъ называютъ очками) въ разномъ числѣ отъ одной до шести. Правильное домино имѣетъ такъ расположенное число точекъ:

Ничего и ничего, ничего съ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 точками;
одна и одна, одна съ 2, 3, 4, 5 и 6;
двѣ и двѣ, двѣ съ 3, 4, 5 и 6;
три и три, три съ 4, 5 и 6;
четыре и четыре, четыре съ 5 и 6;
пять и пять, пять съ 5 и 6;
шесть и шесть точекъ или очковъ.

Вмѣсто настоящихъ костей, можно употреблять деревяшки или самимъ склеивать кости изъ картона, на которомъ отпечатаны всѣ стороны костей—какъ это мы даемъ при настоящемъ описаніи. Чтобы кость склеить правильно и довольно прочно, надобно аккуратно вырѣзать отъ бѣлой бумаги ровно по краямъ всю окрашенную площадку бумаги; затѣмъ, по всѣмъ бѣлымъ линіямъ, кромѣ той которая раздѣляетъ два квадрата съ очками, сдѣлать сверху весьма легкіе надрѣзы, дабы по нимъ бумага аккуратнѣе перегибалась. Когда это сдѣлано, тогда по надрѣзамъ слѣдуетъ подгибать бумагу по линіямъ въ такомъ порядкѣ, чтобы короткіе края были подогнуты ранѣе длинныхъ, чтобы сторона съ очками была вверху, а на дно придется бумага вдвойнѣ. Наконецъ, когда всѣ ребра согнуты довольно аккуратно, подъ прямыми углами, тогда, какимъ угодно клейстеромъ или клеемъ,

смазываютъ внутреннюю сторону всѣхъ тѣхъ площадокъ, которыя даются вдвойнѣ. Отъ искусства склеивающаго зависитъ большее или меньшее изящество костей. Когда всѣ кости готовы можно приступить къ игрѣ, которой правила, хотя весьма извѣстны и очень просты, но однакоже мы приведемъ здѣсь.

Въ игрѣ могутъ принимать участіе отъ 2 до 6 человѣкъ.

Для начала игры всѣ кости кладутся на срединѣ стола очками внизъ, перемѣшиваются хорошенько, и, затѣмъ, каждый изъ играющихъ беретъ себѣ опредѣленное число костей, смотря по числу играющихъ, разсчитывая такъ, чтобы по срединѣ стола осталось въ кóнѣ нѣкоторое число ихъ для прикупки.

Каждый изъ играющихъ ставитъ передъ собою всѣ кости на ребра, очками къ себѣ, такъ, чтобы сосѣдъ его, особенно сидящій справа, не могъ подсмотрѣть очковъ и не повредилъ игрѣ. Ходъ игры такой. Тотъ изъ играющихъ, у котораго находится кость безъ очковъ, выставляетъ ее на средину стола; затѣмъ къ этой кости сосѣдъ играющаго приставляетъ прямо или подъ угломъ, другую кость такъ, чтобы къ каждой половинѣ кости приставлялась новая, не имѣющая очковъ на одной половинѣ; слѣдующая за тѣмъ кость приставляется такъ, чтобы всегда рядомъ стояли двѣ половинки съ одинаковымъ числомъ очковъ.

Играющіе ставятъ кости по очереди, какъ сидятъ одинъ подлѣ другаго; послѣ начинающаго ставитъ его сосѣдъ съ лѣвой руки, за тѣмъ слѣдующій сидящій влѣво и т. д.

Можетъ случиться, что у кого либо изъ играющихъ не найдется кости съ тѣмъ числомъ очковъ, какое ему нужно приставить; тогда онъ *прикупаетъ*, то есть беретъ изъ кона одну, затѣмъ другую и т. д. кость, пока не найдетъ того, что нужно. Всѣ прикупленныя кости остаются у того, кто ихъ купилъ, и не возвращаются въ конъ, хотя бы онѣ были и не нужны. Если и послѣ прикупки играющій не можетъ выставить кости, тогда онъ *пасуетъ* — ничего не ставитъ, а сосѣдъ его слѣва продолжаетъ игру.

Выигрываетъ тотъ, у кого кости вышли ранѣе всѣхъ; за тѣмъ остальные проиграли и проигрышъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе у кого очковъ осталось на рукахъ; нужно считать.

Случается и такъ, что всѣ пасуютъ, хотя у всѣхъ еще на рукахъ остались кости; тогда игра *заперта*, и выигравшимъ

считается тотъ, кто заперъ послѣдній ходъ. Перестановка или перемѣна одинъ разъ выставленныхъ костей не допускается.

Можетъ начинать игру и тотъ, кто имѣетъ кость съ 6 и 6 очками; къ ней выставляютъ другіе, имѣющіе 6 и 5 или 6 и 4, 6 и 3, 6 и 2, 6 и 1 или 6 и ничего.

2. Городки.

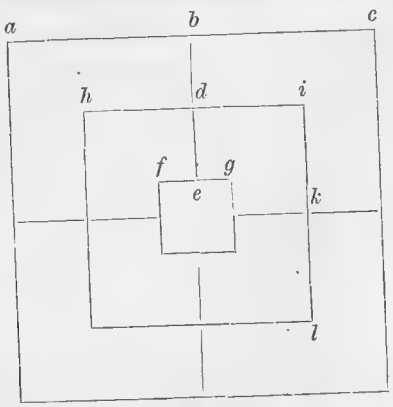
(Морель, Мѣльница).

Для игры дается игорная доска, напечатанная съ тремя квадратами, и по 9 свѣтлыхъ и темныхъ шашекъ.

Дѣтямъ предлагается: шашечницу наклеить на толстую папку и обклеить по краямъ какою либо темною бумагою, по ихъ вкусу; шашки вырѣзать круглыми и тоже наклеить на кусочки пробки, на кружки сдѣланные аккуратно изъ мятаго тѣста и т. п.

Въ этой игрѣ участвуютъ только двое; у каждаго изъ нихъ находится по 9 шашекъ одного цвѣта. Шашки эти ставятся по одной, по очередно, обоими играющими.

Сущность или задача игры заключается въ томъ, чтобы одинъ изъ играющихъ поставилъ на одной чертѣ доски въ рядъ три свои шашки по угламъ пересѣченія цвѣтныхъ линіи или полосъ по всѣмъ направленіямъ. Три шашки, поставленныя такимъ образомъ въ рядъ, называются *городкомъ*. Городкомъ считаются не только три шашки поставленныя на одной линіи какъ *abc*, *feg*, но и поставленныя вкось на углы *ahf*, *cig* и т. д.



Тотъ кому удалось поставить городокъ беретъ любую изъ шашекъ своего противника, выбирая при этомъ конечно ту, которая ему наиболѣе выгодна, то есть такую, которая наибо-

лѣе разстроитъ планъ противника. При постановкѣ всякой шашки надо зорко слѣдить за расположеніемъ шашекъ противника, обращая вниманіе на то, не слѣдуетъ ли гдѣ либо заставить опасное мѣсто, и уже потомъ думать о томъ куда выгоднѣе поставить, чтобы сдѣлать городокъ. Когда оба играющіе выставили уже всѣ свои шашки на доску, тогда они продолжаютъ игру, передвигая поочередно каждый свою шашку на одинъ шагъ, то есть до слѣдующаго ближайшаго пересѣченія линіи; ходы съ угла на уголъ, напр. съ *a* на *h*, или *c* на *i*, съ *i* на *g* не допускаются, пока у обоихъ играющихъ находится болѣе чѣмъ по 3 шашки. Когда же одинъ изъ играющихъ потеряетъ большинство своихъ шашекъ, такъ что у него останется только 3 шашки, тогда онъ можетъ ходить имп какъ ему угодно, переставляя ихъ по своему произволу, перенося шашки съ одного угла на другой, перескакивая съ одной линіи или съ одного края доски на другой какъ ему выгоднѣе.

Ежели и при этомъ облегченіи играющій потеряетъ еще шашку, т. е. останется только при двухъ шашкахъ, тогда игра его проиграна. Игра проиграна и въ томъ случаѣ, когда шашки его заперты такъ, что онъ не имѣетъ прямого хода по цвѣтнымъ линіямъ, хотя бы шашекъ у него было и много.

Самое выгодное въ этой игрѣ распологать свои шашки по угламъ шашечной доски, такъ, чтобы постоянно угрожать противнику постройкою городка; точно также выгодно не оставлять противника при трехъ шашкахъ, т. е. не брать у него 4-ой, до тѣхъ поръ, пока не имѣется въ виду на вѣрное, отнять у него двѣ шашки двумя послѣдовательными ходами.

Игра считается ничья, если у обоихъ играющихъ осталось по три шашки.

Выигравшій игру имѣетъ право начинать слѣдующую игру своимъ ходомъ.

3. Шашки.

Къ этому слѣдуютъ: напечатанныя на кортонѣ, шашечница, 12 свѣтлыхъ и 12 темныхъ шашекъ, называемыхъ въ игрѣ бѣлыми и черными.

Дѣтямъ предлагается съ этимъ матеріаломъ поступить также, какъ дѣлали съ матеріаломъ даннымъ для Городковъ.

Хотя правила шашечной игры всѣмъ извѣстны, однако мы

полагаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь, для нашихъ незнающихъ игроковъ.

Въ шашки играютъ двое, садящіеся одинъ противу другаго. Шашечную доску ставятъ такъ, чтобы у каждаго изъ играющихъ темное или черное поле приходилось въ углу на лѣвой рукѣ.

У каждаго изъ играющихъ находится по 12 шашекъ; у одного темнаго цвѣта, у другаго бѣлыя. Каждый изъ играющихъ располагаетъ свои шашки рядами на черныхъ поляхъ шашечницы, такъ что у каждаго занято 3 ближайшіе къ нему ряда, по 4 шашки въ каждомъ ряду.

Ходы всѣхъ шашекъ одинаковы: только впередъ и вкось, вправо и влѣво, по усмотрѣнію играющихъ; простымъ шашкамъ назадъ нѣтъ ходовъ, шашки двигаются и могутъ стоять только на темныхъ (черныхъ) клѣткахъ—бѣлыя всегда свободны. Первый ходъ въ первой игрѣ дѣлаетъ тотъ, кому достанется по жребію; право перваго хода при слѣдующихъ играхъ принадлежитъ выигравшему предъидущую игру, если не уговорились вначалѣ бросать жребій всякій разъ.

Каждый играющій имѣетъ право только одного хода, и оба играющіе чередуются ходами. Выигравшимъ считается тотъ, кто взялъ всѣ шашки своего противника.

Шашку у противника можно взять тогда, когда она стоитъ на пути шашки играющаго, и если позади ее, на той же линіи, мѣсто незанято другою шашкою, такъ, что когда берутъ шашку противника, то переносятъ свою черезъ его шашку, на то мѣсто, которое можно было бы занять сдѣлавъ два хода; если взявъ одну шашку представляется возможность съ новаго мѣста взять другую, третію, то это допускается. Взявшій у противника шашку имѣетъ право, кромѣ того, сдѣлать еще ходъ другою своею шашкою.

Каждый кому представляется возможность взять шашку противника, долженъ это сдѣлать, въ противномъ случаѣ предоставляется право играющему если онъ пожелаетъ взять (называется фукнуть) шашку, которою не взяли.

Если постепенными ходами одному изъ играющихъ удастся провести свою шашку въ самый задній рядъ клѣтокъ противника, тогда эта шашка пріобрѣтаетъ особыя права, называется

дамою и въ отличіе отъ другихъ перевертывается дномъ вверхъ.

Дама можетъ по всѣмъ направленіямъ (всегда однако вкось по діагоналямъ) ходить впередъ и взадъ, становясь рядомъ или черезъ одну, черезъ двѣ и т. д. клѣтки по всей длинѣ свободныхъ мѣстъ шашечницы; по всей этой линіи она беретъ шашки противника, стоящія хотя бы и не рядомъ, а черезъ нѣсколько клѣтокъ, если позади ихъ есть свободная черная клѣтка, гдѣ она можетъ стать. Дама должна непремѣнно брать тѣ шашки противника, которыя ей представляются; въ противномъ случаѣ, если играющій просмотритъ, даму беретъ противникъ.

Все вниманіе играющаго обращается на то, чтобы ослабить противника, отнимая у него возможно бо́льшее число шашекъ; для этого каждый старается по возможности скорѣе обратить свою шашку въ даму. Наиболѣе позорнымъ считается такой проигрышъ, при которомъ остается хотя одна шашка запертою такъ, что ей нѣтъ хода.

При ходѣ каждою шашкою, играющій предъусматриваетъ не поддаетъ ли онъ свою шашку, затѣмъ не ставитъ ли онъ ее въ такое положеніе, что противникъ, сдѣлавъ съ своей стороны шагъ, можетъ ее взять при слѣдующемъ ходѣ; играющій заботится о томъ, чтобы занять болѣе выгодныя мѣста, оставить менѣе свободныхъ ходовъ противнику, разсчитываетъ нельзя ли отдавъ одну шашку взять у противника двѣ, три, если у него шашки раскиданы; нельзя ли поддавъ одну или двѣ шашки провести свою одну шашку въ дамы; когда игра стоитъ хорошо, ищутъ случая нельзя ли запереть шашку противника и т. п.

По взаимному соглашенію допускаются нѣкоторыя измѣненія въ игрѣ. Наиболѣе извѣстныя суть слѣдущія: *Польская игра* допускаетъ право всякой шашкѣ брать назадъ; *въ англійской игрѣ* шашка беретъ не только взадъ и впередъ по косвенному діагональному направленію шашечницы, но и прямо впередъ, взадъ, влѣво и вправо всякую шашку, стоящую рядомъ. *Поддавки* есть такая игра, при которой каждый заботится скорѣе отдать всѣ свои шашки противнику и выигрываетъ тотъ, кто скорѣе избавится отъ своихъ шашекъ.

Игра бываетъ *ничья*, когда у обоихъ партнеровъ осталось такъ мало, что одинъ другаго не можетъ обыграть.

ДѢТИ

МЕЖДУ СОБОЮ.

1

МОЛОТОКЪ.

Слесарь ушелъ обѣдать.

Онъ оставилъ на полу свой мѣшокъ съ инструментами.

Вѣдь слесаремъ быть не трудно; а какъ весело вбивать гвозди въ стѣну! Вотъ кстати большой гвоздь.

Посмотрите-ка, какъ Коля воткнетъ его въ стѣнку, ударивъ только разъ большимъ молоткомъ по головкѣ.

На этотъ гвоздь надо повѣсить паяца — Петрушку.

Онъ этого не ожидаетъ, Петрушка; онъ сидитъ подъ стуломъ, онъ спрятался. Но не безпокойся Петрушка, тебя вытащутъ.

Коля очень силенъ, но онъ не можетъ, какъ слесарь, поднять молотокъ одной рукой. Аню это очень удивляетъ.

Вѣрно молотки очень тяжелы; а слесаря, должно быть гораздо сильнѣе Коли.

3.

Вотъ что придумано.

Аня будетъ держать гвоздь очень, очень прямо.

Коля возьметъ молотокъ обѣими ручками.

Онъ сильно ударитъ по головкѣ гвоздя, и гвоздь войдетъ далеко въ стѣну.

Что-то скажетъ тогда Петрушка?

4

Гвоздь соскчоплъ. Молотокъ ударилъ Аню по пальцамъ. Ей это со всѣмъ непріятно.

Анѣ очень больно, а Коля очень струсилъ.

5.

Но это еще не все. Молотокъ упалъ Колѣ на ножку

Аня кричитъ: ручкѣ больно! Коля кричитъ: ножкѣ больно! Кажется, быть слесаремъ не такъ-то легко. Вѣрно, надо всему учиться.